

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Предпринимательское и трудовое право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Субсидиарная ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве»

Обучающийся

А.А. Учаев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

кандидат педагогических наук, Е.М. Чертакова

(ученая степень, Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Общая характеристика субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, развитие института и общие понятия, зарубежный опыт.....	8
1.1. Правовая природа и развитие института субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.....	8
1.2. Субсидиарная ответственность в деле о банкротстве зарубежных стран.....	20
Глава 2. Особенности и порядок привлечения фактического руководителя должника к субсидиарной ответственности.....	31
2.1. Привлечение фактического руководителя должника к субсидиарной ответственности.....	31
2.2. Анализ правоприменительной практики о субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.....	46
Глава 3. Уменьшение рисков в привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.....	54
3.1. Риски и защита руководителя должника от привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве.....	54
3.2. Проблемы и перспективы развития института субсидиарной ответственности.....	64
Заключение.....	72
Список используемой литературы и используемых источников.....	76

Введение

Актуальность исследования высока ввиду того, что к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве (несмотря на наличие положений еще с 2002 г.) стали привлекать относительно недавно после, ФЗ N 266 от 29.07.2017г. (до этого судебной практики по данному вопросу почти не было). До 2017 года к субсидиарной ответственности генерального директора, лиц контролирующих должника привлекали с большим трудом из-за ограничения и отсутствия ряда положений в законодательстве. В связи с изменениями в законодательстве в последние годы, роль субсидиарной ответственности в общественных отношениях постоянно возрастает.

Субсидиарная ответственность в деле о банкротстве это правовой инструмент, стабилизирующий гражданские правоотношения. Ключевая задача государства защита интересов граждан и юридических лиц, а также стабилизация общественных отношений и такой правовой инструмент как субсидиарная ответственность способствует достижению этой цели.

В начале 90-ых годов наша страна начала переход к новому типу экономических отношений, и на текущий момент этот переход все еще не закончен. И показателем этого является несовершенство гражданско-правового законодательства в сфере субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.

Несмотря на то, что субсидиарная ответственность собственников и руководителей хозяйствующих субъектов постепенно становится обыденным явлением в правоприменительной практике арбитражных судов [34, с. 55]. Зачастую кредиторы (особенно в сфере малого и среднего бизнеса) до самого последнего момента не инициируют процедуру банкротства в отношении должника или даже не взыскивают задолженность. Так как часто фирма должник не имеет никакого имущества, ее счета пусты, а учредитель может являться подставным лицом. Кредитор может выиграть все суды, но не взыскать задолженность. Факт несовершенства законодательных

инструментов по привлечению к субсидиарной ответственности наносит огромный урон государству и его институтам. Если не решать эту проблему в будущем, кредиторы будут защищать свои права, способами, находящимися за пределами правового поля.

Все это происходит, потому что еще не решены проблемы, возникающие в правоприменительной практике, такие, как доказательства фактов искажения бухгалтерской документации должника и намеренного доведения должника до банкротства, установка лиц, контролирующих должника. На основании всего сказанного выше актуальность темы «Субсидиарная ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» является высокой.

Степень разработанности темы магистерской диссертации. За все время было опубликовано совсем немного работ, тема субсидиарной ответственности в деле о банкротстве затрагивалась авторами Кочеуловым Ю. Ю., Добрачевым Д.В., Лотфуллиным Р.К. Ввиду сложности привлечения к субсидиарной ответственности, на текущий момент тема все еще изучена мало.

Объектом исследования является общественно-правовые отношения, возникающие в процессе привлечения к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве.

Предметом исследования являются проблемы и практическое применение субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве.

Целью диссертационного исследования является всесторонний анализ правового регулирования субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве, выявления оснований привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве, формирование рекомендации по уменьшению рисков привлечения к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.

Задачи настоящего исследования:

- изучить правовую природу субсидиарной ответственности руководителя должника;
- рассмотреть зарубежный опыт решения проблемы субсидиарной ответственности в деле о банкротстве;
- изучить порядок привлечения фактического руководителя должника к субсидиарной ответственности⁴
- провести анализ действующего законодательства о субсидиарной ответственности в деле о банкротстве;
- изучить риски руководителя должника в деле о банкротстве;
- изучить проблемы и перспективы развития института субсидиарной ответственности.

Методологическая основа работы включает: логический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, метод толкования правовых норм и другие методы.

Теоретической основой работы послужили монографии и материалы конференций, статьи из научных изданий, статьи из иностранных научных изданий.

Нормативной основой исследования явились законы Российской Федерации, нормативно-правовые акты, иностранные нормативно-правовые акты, материалы юридической практики.

Научная новизна исследования заключается в том, что исследование проведено с исходя из новейшей судебной практики, которая возникла после кардинальных изменений, вызванных вступлением в силу ФЗ N 266 от 29.07.2017г.

Научное и практическое значение исследования. Данное исследование позволяет составить рекомендации и предложения, которые могут быть использованы не посредственно на суде юристами и арбитражными управляющими.

Структура исследования. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Правовая концепция субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве имеет своей основе формирующуюся, развивающуюся, многогранную систему взглядов научного сообщества, как при изучении исторического аспекта, так при современном развитии отечественного законодательства, в том числе и субсидиарную ответственность руководителя должника и иных лиц в процессе банкротства. Кроме того, имеются дискуссионные вопросы касающиеся становления института банкротства и изменений в законодательстве, произошедшие в 2017 году.

2. Развитие института субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве зарубежных стран берет свое начало в 19 веке. Становление рассматриваемого института носит название «прокалывание вуали». Основными локомотивами развития становится Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Германия, как наиболее экономически развитые страны мира. Правовая система указанных государств отличается друг от друга, но вместе с тем, имеет характерные признаки регулирования банкротства, субсидиарной ответственности руководителя должника и контролирующих должника лиц. Опыт развития законодательства за рубежом необходимо изучать, с целью внедрения новых, передовых норм в национальное законодательство, что оказывает положительное влияние на регулирование субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц при банкротстве.

3. В России, развитие института субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве имеет не столь богатую историю формирования, однако, активно перенимается опыт зарубежных стран. Законодательство «О банкротстве» является относительно новым, но успело подвергнуться весьма серьезным изменениям, касающихся субсидиарной ответственности руководителя должника.

4. Законодатель весьма четко и детально отрегулировал вопрос защиты интересов кредиторов от злоупотреблений со стороны контролирующих лиц и бенефициаров корпораций, закрепленном, как в законодательстве, так выработанными в судебной практике.

5. Подача заявления о банкротстве играет важную роль в процессе. На основании исследования судебной практики выявляются ряд вопросов и сложностей, связанных с определением момента обращения руководителя о признании должника банкротом. Данное процессуальное действие имеет немаловажное значение. На практике, могут возникать такие ситуации, при которых, руководитель организации прогнозирует невыполнение обязательств или погашение задолженностей перед кредиторами, то в соответствии с законодательством, на него возлагается обязанность подать заявление о признании данного юридического лица банкротом. Вместе с тем, на основании закона «О банкротстве» не освобождаются от долговых обязательств лиц, привлеченные в качестве контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Глава 1 Общая характеристика субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, развитие института и общие понятия, зарубежный опыт

1.1 Правовая природа и развитие института субсидиарной ответственности в деле о банкротстве

Субсидиарная ответственность — такая ответственность, дающая возможность кредитору взыскать долги с должника и с лица, осуществляющего его контроль. Данное понятие и институт существовали в законодательстве не всегда и вводились поэтапно.

Нормы, касающиеся субсидиарной ответственности, опосредованно применялись еще в римском праве, в современном Российском законодательстве данная норма все еще применяется редко.

В ГК РФ от 1 января 1995 года появилось положение о субсидиарной ответственности владельцев компаний. До этого законодательная база в сфере банкротства предприятий не содержала понятия «субсидиарная ответственность» и механизма привлечения к субсидиарной ответственности. Согласно ГК РФ ст. 56 п.3 учредителей, собственников имущества организации могли привлечь к ответственности в случае недостаточности имущества при банкротстве. Ответственность учредителей могла наступить только в определённых условиях: банкротство организации произошло в следствии умышленных действий учредителей и собственников.

ФЗ № 208 от 26.12.1995 «Об акционерных обществах» была введена норма аналогичная ГК РФ ст. 56 п.3. Позже ФЗ № 14 от 08.02.1998г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» была введена похожая норма.

Но законодательством не было предусмотрено понятного механизма доказывания, что банкротство организации вызвано указаниями учредителей или иными действиями этих лиц, а возможность ответственности за бездействие не предусматривалась. Также ключевой недостаток, был в том,

что предъявить требования о привлечении к субсидиарной ответственности и заниматься сбором доказательств мог только арбитражный управляющий. Из-за того, что не было введено работающих правовых инструментов, практика была нулевой и введенная норма фактически не работала, недобросовестные учредители просто не давали доступа управляющему к документам, которые позволили бы привлечь их к ответственности.

ФЗ № 6 от 08.01.1998г. «О несостоятельности (банкротстве)». Новый закон позволил увеличить количество оснований привлечения и лиц, которых можно привлечь к ответственности. Руководителя юридического лица стало возможно привлекать к ответственности. Было введено новое основание для привлечения к ответственности: в случае если не было подано заявление о признании должника банкротом в суд. Но ключевая проблема, а именно доказывание «умышленности» и целенаправленностей действий, со стороны виновных лиц новым законом решена не была. Суды продолжали отказывать в привлечении к субсидиарной ответственности ссылаясь на недостаточность или отсутствие доказательств, подтверждающих «умышленность» и целенаправленностей действий лиц, которых пытались привлечь к ответственности.

В первой редакции закона «О несостоятельности (банкротстве)» не содержалось легальной дефиниции контролирующего должника лица. Однако, согласно пункту 4 статьи 10 этой редакции закона, «в случае банкротства должника по вине учредителей (участников) должника, собственника имущества должника - унитарного предприятия или иных лиц, в том числе по вине руководителя должника, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия, на учредителей (участников) должника или иных лиц в случае недостаточности имущества должника может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам» [51]

В данной норме мы можем наблюдать первоначальное определение понятие контролирующего должника лица, в дальнейшем изменении

законодательства мы увидим легальное определение данного понятия. Однако временной период влияния такого лица пока не определен законодателем, равно как и не был определен момент наступления возможности начала процесса и процедуры банкротства. Указанные правила действовали до середины 2009 года.

«Согласно статье 3 Федерального закона от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 73), статья 2 закона «О несостоятельности (банкротстве)» была дополнена легальным понятием контролирующего должника лица – это «лицо, имеющее либо имевшее в течение менее чем два года до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом (в частности, контролирующим должника лицом могут быть признаны члены ликвидационной комиссии, лицо, которое в силу полномочия, основанного на доверенности, нормативном правовом акте, специального полномочия могло совершать сделки от имени должника, лицо, которое имело право распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью)» [52]

Из вышесказанного можно утверждать, что законодатель определил две группы контролирующих должника лиц:

«1) лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника;

2) лицо, имевшее в течение менее чем два года до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать

обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника.» [8]

ФЗ № 127 от 26.10.2002г. не исправил ситуацию, правовые нормы, регулирующие субсидиарную ответственность фактически, не действовали, и судебная практика по привлечению к субсидиарной ответственности продолжала быть на около нулевом уровне. По мере ухудшения экономической ситуации росло количество кредиторов, которые из-за несовершенства законодательства не смогли взыскать задолженность, а фактически виновные лица к ответственности не привлекались. Необходимы были реальные реформы и изменения, чтобы привлекать к ответственности виновных лиц и обеспечить защиту прав кредиторов.

ФЗ № 73 от 28.04.2009г. начал изменять ситуацию появились новые возможности для того, чтобы привлекать к субсидиарной ответственности. Было введено само понятие «лица контролирующего должника». Лицом, контролирующим должника, могли признать лицо, которое в пределах двух лет до принятия судом заявления о признании должника банкротом имело право давать обязательные для организации указания или иным образом влиять на принимаемые от имени организации решения. А в случае, если контролирующих лиц было несколько они могли нести солидарную ответственность» [15]. Ввиду того что банкротящиеся организации могли просто не предоставлять управляющему никаких документов либо фальсифицировать их, заявитель не мог предъявить никаких доказательств и фактически лишался возможности взыскать задолженность, был скорректирован принцип доказывания вины теперь контролирующее должника лицо обязано доказывать свою непричастность к доведению организации-должника до банкротства. В п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве 2002 г. в ред. ФЗ от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ, было указано: контролирующее должника лицо не отвечает за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, если докажет, что действовало добросовестно и разумно в интересах должника. Т.е. лицу, контролирующему должника, необходимо

было доказывать, что оно действовало добросовестно, чтобы избежать привлечения к субсидиарной ответственности. Но т.к. формулировки п.4 ст.10 в ред. ФЗ от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ были крайне расплывчатыми трактовались крайне широко, позиция судов согласно которой бремя доказательств лежала на заявителе изменения не претерпела и мешала привлечению к субсидиарной ответственности виновных лиц.

ФЗ № 134 от 28.06.2013г. ввел новые нормы которые позволили более ясно определить обстоятельства, при которых банкротство юридического лица произошло из-за действия (бездействия) контролирующего лица. Фактически была установлена презумпция виновности контролирующих должника лиц, то есть, пока не доказано иное, предполагается, что должник признан несостоятельным (банкротом) по вине руководителя или учредителя.

Кардинальные изменения пришли после вступления в силу ФЗ № 488 от 28.12.2016г. изменения, внесенные законом, позволили кредиторам подавать заявления по привлечению к субсидиарной ответственности даже в случае отказа суда о возбуждении дела из-за отсутствия денежных средств на оплату арбитражного управляющего или ликвидации организации налоговым органом.

До переломных изменений в 2017г. субсидиарная ответственность, как правовой институт, прошла большой путь, но все еще имела огромное количество проблем таких как: Невозможность установления конечных бенефициаров, неэффективные торги при банкротстве. Эти проблемы были решены новым ФЗ лишь частично.

Но решающие и ключевые изменения в деле привлечения к субсидиарной ответственности, пришли после вступления в силу ФЗ N 266 от 29.07.2017г., были существенно расширены возможности кредиторов по привлечению к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. Появилась отдельная глава «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», появилась ст.61.10. посвященная контролирующим должника лицам, а другие положения утратившей силу статьи 10 Закона о

банкротстве переросли в отдельные статьи [53]. Усовершенствование законодательства были направлены на увеличение количества факторов для привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника и контролирующих должника лиц. Понятие контролирующего лица стало очень широким и ответственность, может быть возложена на иных лиц, а не только учредителей или акционеров и иную организацию. Благодаря введению новых норм, появилась возможность привлекать к ответственности не «фиктивного» учредителя, а фактического руководителя.

Подводя итог развития субсидиарной ответственности в законодательстве Российской Федерации, стоит выделить несколько ключевых событий:

- ФЗ № 73 от 28.04.2009г. введения понятия «лица контролирующего должника» и изменения принципов доказывания вины;
- ФЗ № 134 от 28.06.2013г. фактическое закрепление презумпции виновности для лиц, контролирующих должника;
- ФЗ № N 266 от 29.07.2017г. Появление отдельной главы о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Фактически до принятия новых норм, споры о привлечении к субсидиарной ответственности зачастую были в пользу контролирующих лиц. Но после 2017 года ситуация постепенно стала сдвигаться с мертвой точки, что позволило кредиторам более успешно защищать свои права. Согласно статистики судебного департамента ВС РФ в 2019 г. в рамках дел о банкротстве было рассмотрено уже 5 264 заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, из которых удовлетворенно 2 995, то есть 57%. [20].

Чтобы показать, насколько коренные изменения произошли в практике привлечения к субсидиарной ответственности, автор хотел бы провести сравнении на основании Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2009 г. N КГ-А40/2333-09 и Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 февраля 2020 г. N Ф05-22709/19 по делу N А40-230742/2017

В постановлении № КГ-А40/2333-09 указано, ответчиками по делу являлись лица ранее работавших в должности Председателя Правления Коммерческого банка, лицами, контролирующими должника ответчика признаны не были ввиду того, что на момент судебного разбирательства данное понятие еще не было введено в законодательство. Также в постановлении неоднократно указано, что истец не представил в материалы дела надлежащие и бесспорные доказательства, свидетельствующие о наличии причинно-следственной связи между действиями (бездействием) Ответчиками и банкротством Банка и что именно на истце лежала обязанность по доказыванию причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчиков в период, когда они являлись руководителями Банка, и банкротством названной кредитной организации. Ввиду отсутствия бесспорных доказательств требования конкурсного управляющего были удовлетворены частично.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 10 февраля 2020 г. N Ф05-22709/19 по делу N А40-230742/2017 уже указано иное: бремя доказывания добросовестности и разумности действий контролирующих должника лиц возлагается на этих лиц, поскольку причинение ими вреда должнику и его кредиторам презюмируется. Конкурсный управляющий, либо кредиторы не обязаны доказывать их вину как в силу общих принципов гражданско-правовой ответственности, так и специальных положений законодательства о банкротстве.

Изменения законодательства в 2017г. привели к совершенствованию правоприменительной практике, кредиторам стало легче привлекать к ответственности контролирующих должника лиц.

Исследуя вопрос правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, нельзя не обратиться к мнениям по данному вопросу ученых - юристов. Нельзя не согласиться с мнением Дробачева В.В., указывающий, что «это прежде всего ответственность, т.е. дополнительное обременение для контролирующих должника лиц. Это своего рода наказание

за не соответствующее закону поведение в форме возмещения убытков, как в процедуре банкротства, так и вне его. В данном случае проявляется компенсационная функция данной ответственности. В процедурах банкротства за причинение вреда корпорации контролирующими должника лицами наступает ответственность, схожая с деликтной, в форме возмещения убытков. Привлеченное к субсидиарной ответственности лицо посредством дополнительного денежного обременения обязано возместить убытки корпорации» [12]

Рассматриваемый институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве является достаточно действенным в настоящее время, а иногда и является единственным способом удовлетворить требования кредиторов.

В свою очередь Горбашев И.В., отмечает, что постановления Верховного Суда Российской Федерации поясняют и вносят конкретику по поводу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, относительно юридической природы данной ответственности. На данном этапе регулирования вопроса субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, по-прежнему не определен деликтный характер ответственности по понесенным убыткам [4].

Научное сообщество не раз обращало свое внимание на то, что необходимо прописать в законодательстве процедуру и размеры взыскание убытков в должника в случае субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц.

Постановления Верховного Суда Российской Федерации, несомненно, вносят ясность в вопросы банкротства и привлечения к субсидиарной ответственности, в том числе и контролирующих должника лиц. Кроме того, постановления Верховного Суда Российской Федерации формируют понимание и необходимость привлечения лиц к ответственности, виновных в сокрытии активов организации и других действий, способствующих тому, чтобы, минимизировать обязательства к кредиторам.

Современное правовое регулирование позволяет привлечь к ответственности по обязательствам и третьих лиц, в данном случае руководителя должника, поскольку он оказывал влияние на решение принимаемые относительно деятельности компании. Такие действия также могут привести к банкротству. Такая субсидиарная ответственность иногда является единственным способом взыскать долги по обязательствам, тем самым, законодатель делает попытку сбалансированной ответственности и интересов кредиторов.

Следует отметить и мнение Курбатова А., который отмечал, что «субсидиарная ответственность призвана компенсировать имущественные потери кредиторов, то есть выступает в качестве возмещения убытков и носит гражданско-правовой характер» [21].

В соответствии с п. 1 ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации к субсидиарной ответственности может быть привлечено другое лицо для удовлетворения требований кредиторов. Чаще всего, в роли должника выступает юридическое лицо, признаваемое банкротом, а к субсидиарной ответственности привлекается именно субсидиарное. Субсидиарный характер ответственности подразумевает, что до предъявления требований к другому лицу. Законодатель, при этом требует заключение дополнительного соглашения с контрагентом.

В своей работе О.В. Гутников отмечал: «ответственность юридического лица и иных лиц перед кредиторами юридического лица играет важнейшую роль в корпоративных отношениях, поскольку направлена на достижение справедливого баланса интересов между различными субъектами корпоративных отношений, самими юридическими лицами и кредиторами юридического лица в связи с выступлением последнего в гражданском обороте. В свете проводимой в стране реформы гражданского законодательства особо актуальным становится вопрос о природе, границах и пределах этой ответственности с точки зрения перспектив развития соответствующих правовых норм» [16].

Изменения законодательства вполне актуальны, регулируют вновь возникшие отношения в предпринимательской деятельности весьма детально, появление других субъектов объяснимо и логично, что влечет за собой перспективу развития данного института.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что субсидиарная ответственность является обязательством, возлагаемая лично на должника при этом правопреемство недопустимо. Например, в постановление арбитражного суда Поволжского округа от 30.03.2017 по делу №А12-26858/2013, отмечалось что: «в соответствии с п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве деяния, связанные с неисполнением лично лицом обязанностей по передаче соответствующих бухгалтерских документов и иных ценностей, квалифицируются как отношения, неразрывно связанные с личностью гражданина, и, следовательно, не могут допускать правопреемства» [33].

В научной литературе мы встречаем множество мнений относительно правовой природы банкротства, это связано, прежде всего с частыми изменениями в национальном законодательстве, что в свою очередь вызывает волну полемики среди ученых-юристов.

Например, В.Ф. Попондопуло и Е.В. Силина полагали: - «суды должны ориентироваться все-таки на договорную, а не деликтную природу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве. Впрочем, единственным исключением является, например, случай деликтной ответственности, предусмотренный п. 55 Постановления №53, в соответствии с которым заявитель, не сообщивший суду информацию о кредиторах, присоединившихся к его требованию, несет перед ними ответственность в виде возмещения убытков (ст. 1064 ГК РФ)» [28].

В.Г. Голубцов в свою очередь отмечает: «природа, границы, пределы и условия ответственности, и само понятие контролирующих должника лиц должны оцениваться с позиций их генезиса и развития, особенно с учетом того, что действия (бездействия) контролирующего должника лица могли

быть совершены в периоды действия разных редакций закона «О несостоятельности (банкротстве)» [8].

Иначе говоря, процесс банкротства юридического лица занимает весьма длительный период времени. На практике, возникают случаи, при которых процедура банкротства может совпасть с изменением в законодательстве, регулирующий процесс банкротства (несостоятельности). В месте с тем, возможно и изменение статуса сторон участвующие в процедуре банкротства (несостоятельности).

В доктрине возникали критические высказывания по поводу использования в законодательстве термина «субсидиарный» применительно к ответственности контролирующих должника лиц при нарушении ими обязанности действовать добросовестно в отношении кредиторов должника. Например, по мнению Р. Т. Мифтахутдинова, «...это никакая не субсидиарная (в смысле субстантивная, III. 33 дополнительная) ответственность, а классический деликт» (Румак В. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях [14].

ВС РФ в своем Определении от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 о банкротстве ООО «Амурский продукт» согласился с этой критикой и фактически признал, что, несмотря на использование в Законе о банкротстве данного термина, ответственность контролирующих должника лиц не является дополнительной по смыслу ст. 399 ГК РФ. В данном случае, Верховный Суд исходил из нормы ст. 399 Гражданского Кодекса РФ, в соответствии с которой ответственность субсидиарного должника возникает по тем же основаниям, что и для основного должника, однако, основания для субсидиарной ответственности в рамках Закона о банкротстве другое.

«Например, кредитор поставил должнику товар, а должник в лице своего руководителя совершил сделки, повлекшие за собой банкротство должника. В данном случае основанием для предъявления кредитором к должнику требования служит договор поставки, а основанием субсидиарной ответственности руководителя должника не только перед данным кредитором

(а перед всеми кредиторами должника) является совершенный этим руководителем деликт в виде доведения должника до банкротства, повлекшего невозможность погашения требований кредиторов. При этом связь между этими основаниями проявляется в том, что размер субсидиарной ответственности руководителя должника перед данным кредитором определяется в виде размера непогашенной задолженности по договору поставки» [20].

Субсидиарная ответственность, регулируемая Гражданским кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами и постановлениями Верховного Суда Российской Федерации, уточняя и детализируя отдельные вопросы.

Этот вывод основан на следующих обстоятельствах:

- в соответствии с п. 3 ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации возникает регрессное требование субсидиарного должника к основному должнику, в то время, как, в п.1 ст.61.15 Закона о банкротстве (несостоятельности) регламентирует регресс по отношению к должнику, при этом указывается конкретная сумма и очередность получения, после удовлетворения всех очередей требования, указанных в реестре;
- в соответствии абз. 2 п.2 ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации, основной должник, отказавшись от удовлетворения требований кредитора, ответственность переходит на субсидиарного должника. В соответствии с законом о Обществах с ограниченной ответственностью, юридическое лицо, зарегистрированное в общероссийском реестре, отвечают по долгам в соответствии с правилами Гражданского кодекса. В случае отказа отвечать по обязательствам, злостного уклонения, путем причинения вреда или в следствии недобросовестного поведения, то обязанность отвечать по долгам переходит на субсидиарного должника. Верховный Суд Российской Федерации, дал пояснения на этот счет, определил, что

недобросовестным поведением считаются действия, доведшие юридическое лицо до банкротства

- «субсидиарная ответственность применяется как дополнительная ответственность: если имущества юридического лица недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, то долги могут быть взысканы из личного имущества руководителя этого юридического лица» [41].

На основании вышесказанного можно сделать умозаключение о том, что правовая природа субсидиарной ответственности в рамках законодательства о банкротстве является специальным или специфическим, а в рамках Гражданского законодательства – субсидиарная ответственность является дополнительной гарантией по отношению к основному должнику. Законодатель закрепляет инструменты, гарантирующие кредитору, исполнение обязательств или удовлетворение денежных требований. Кроме того, предусматривает заключение дополнительных соглашений с контрагентами, для оперативного решения проблем с банкротившимся юридическим лицом. Сложность заключается в том, что с одной стороны, кредиторы могут выставить свои требования другому лицу – контролирующему должника лицо. А субсидиарная ответственность рассматривается, как дополнительная гарантия удовлетворения требования кредиторов.

1.2 Субсидиарная ответственность в деле о банкротстве зарубежных стран

Иностранные законодательные системы имеют институты, схожие с институтом субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Например, в Великобритании существует понятие «прокалывание корпоративной вуали», в Германии – институт «пронизывающей ответственности».

Одним из первых источников, дошедших до наших дней, регулирующих институт банкротства относится к 1897 году. В Великобритании, рассматривалось дело о банкротстве, возникшее по иску кредитора к одной из компаний по пошиву обуви «*Broderip v Salomon 1895*». Это дело вошло в учебники по юриспруденции, потому что является основополагающим в рассмотрении вопроса о преодолении имущественной обособленности юридического лица, в том случае, если происходит злоупотребление бенефициаром, а следовательно, кредитор несет убытки.

Суд, рассматривающий дело, выяснил, что господин Саломон, вел бизнес от имени компании, что противоречило законодательству того времени, регулирующее деятельность таких коммерческих организаций, кроме того, суд установил противоправные действия лица, которое квалифицировалось, как обман кредиторов.

Исторический факт – палата лордов отменила решение судьи, на том основании, что компания была зарегистрирована в соответствии с законодательством и выступала на рынке, как независимый коммерческий субъект, имеющий соответствующий объем прав и обязанностей.

Этот исторический факт нашел продолжение в решении Судей Высшей инстанции. Решение отражало следующую позицию: «юридическое лицо обладает автономией воли, а кредиторы, заключившие сделки с фирмой господина Саломона, понимали, что договариваются с компанией, а не физическим лицом. Компания не утрачивает своей правоспособности даже в случае ее учреждения одним акционером» [19].

Данное решение Суда явилось предпосылкой изменения законодательства о банкротстве. Так, в 1897 году по требованию кредиторов, являющихся сотрудниками компании, предоставлялось приоритетное или льготное положение перед другими кредиторами.

Итак, Английские суды рекомендовали различать компанию и ее владельцев, если не доказано, что компания является фиктивной или выступает прикрытием ее владельца.

«Таким образом, в Великобритании суды акцентировали внимание на традиционных концепциях общего права и доктрине фидуциарных обязанностей управляющих: обязанность лояльности (the duty of loyalty), обязанность проявлять заботливость и осмотрительность (the duty of care) и обязанность действовать добросовестно (the duty of good faith)» [1].

Выводы, совершенные в рассматриваемом деле, послужили основанием для определения субъектного состава и их самостоятельности в реализации коммерческой деятельности. В соответствии с таким решением, произошло разделение бенефициарного владельца и компании, как двух самостоятельных субъектов. Эта идея нашла свое отражение и в современном законодательстве многих стран, в том числе и в России.

Еще одним ярким представителем разрешения дел по банкротству и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, является США. Историческое становление института «прокалывания вуали», связано прежде всего, с уже сложившейся ситуацией, когда законодатель не доверяет самостоятельности юридического лица. Основой возникновения такого недоверия сложилась в рамках теории «фикции» и противоположной теории «презумпции», в соответствии с которыми, признается раздельное существование и ответственность юридического лица и его участников. Такое положение вещей рассматривают, как некую привилегию, дающуюся участникам компании, которые могут нести индивидуальную ответственность, если будет доказан факт злоупотребления.

В США, в процессе «снятия вуали», используют ряд критерий, так называемых - «laundry lists», «checklists», наличие которых необходимо. Такие противоправные действия, как мошенничество, введение в заблуждение и ложное представление, является наиболее распространёнными основаниями для начала процедуры банкротства.

Возможны также случаи, оказывания на юридические, коммерческие лица давление для заключения ряда договоров, приводящие к убыточным последствиям такого юридического лица.

В одном, из многих решений суда определяется: «Если одно лицо или организация настолько доминирует и контролирует другое, что делает это другое просто инструментом или дополнением к нему, суды будут смотреть за пределы юридической фикции отдельного корпоративного существования» [58].

Для осуществления контроля, предусматривается перекрестное распределение функций на руководство компании и на участников, для формирования справедливости.

Существует также финансовая взаимосвязь субъектов с самой компанией. Это наиболее действенная и распространенная система, выступающая гарантом стабильной работы компании.

«Многие суды США, в частности суды штата Калифорния активно используют данный перечень пунктов, базирующийся на доктрине «alter ego» [57].

В США, развивается и закрепляется весьма детальное регулирование вопроса субсидиарной ответственности контролирующего должника лица. Государство предпринимает всевозможные методы и способы относительно коммерческих юридических лиц, дабы избежать разделение имущества и ухода от имущественной ответственности.

Еще одним примером становления законодательства о банкротстве является закон США, позволяющий компаниям владеть акциями друг друга в перекрестном виде, что вызвало рост монополий, а следовательно, возникла ситуация, где государство было вынуждено бороться с монополиями, ради сохранения конкуренции и движение рыночных отношений.

Так, в 1902 году, компания Northern Securities Co. v. United States действовавшая на бирже при поддержке банка, взяла под полный контроль железнодорожные перевозки. В связи с этим фактом, возникло антимонопольное дело, а Верховный Суд принял решение распустить данную компанию. Данное решение не отличалось единогласностью судей, решение было принято с перевесом в один голос. Например, отмечалось: «Великие

дела, такие как трудные дела, порождают плохой закон. Ведь великие дела называются великими не по причине их реальной важности в формировании закона будущего, но по причине некоторой случайности, вызвавшей непреодолимый интерес, который апеллирует к чувствам и искажает суждение» [15].

А в 1929 году юридический журнал США опубликовал статью под названием «Изоляция от ответственности через дочерние корпорации». В ней популярно рассматривался вариант ведения бизнеса, при котором необходимо было создать дочернюю компанию, на которую записывался налогооблагаемый баланс, а головная фирма привлекала клиентов. В случае банкротства фирмы, кредиторам труднее взыскивать долги через дочернюю компанию, кроме того, работодателем для сотрудников являлась головная компания.

Тем самым, подобная схема подрывала доверие кредиторов и неплатежеспособность должников. Исследования, проводимые американскими учеными, показали, что схему «прокалывания вуали», суды применяли в половине случаев дел о банкротстве.

Правовая система США построена таким образом, где действует верховенство федерального закона по отношению к законам штатов, при этом, Верховный Суд США осуществляя свои полномочия разрешает возникшие коллизии, тем самым формирует правовую доктрину в той или иной области.

Основной целью «снятия вуали», является приведение в равновесие интересов участников дела о банкротстве, в особенности, если было установлено злоупотребление.

Развитие ситуации и становления законодательства в мире нашла в германском праве. Они продолжили регулирование меры и порядка ответственности головной компании и дочерней компании. Законодательство устанавливало финансовую ответственность дочернего предприятия и вводило ответственность головной компании по долгам дочерней. Тем самым, закрепило защиту интересов кредиторов.

В Германии, процесс «прокалывания вуали» обозначается как «Durchgriffshaftung». На решение суда Германии оказали влияние дела Autokran и Tiefbau, применялись правила, регулирующие деятельность акционерного общества по аналогии к данным компаниям, являющимися обществом с ограниченной ответственностью (о компенсации доминирующим предприятием убытков подчиненного общества). Кроме того, судом введено новое понятие «специальная группа де-факто» (qualifizierter faktischer Konzern), которое определяет, является ли компания доминирующей и какую долю воздействия может оказать на дочернюю компанию. В 21 веке наблюдается новый этап развития института субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, «пронизывающей ответственности» в связи с вынесением новых решений европейскими судами. Германские суды используют концепцию «Разрушительного вмешательства», основанного на привлечении контролирующего должника лица. Наиболее ярким примером является дело Vulkan. Суд расценил действия руководства компании, как «разрушительное вмешательство», в следствие действий директоров компания лишилась активов, следовательно стала неспособной отвечать по долгам перед третьими лицами. На данном примере можно утверждать, что здесь имеет место быть злоупотребление и усматривается необходимость ответственности конкретных лиц. Верховный Суд Германии изменил свою концепцию, рассматривая дело TriHotel, однако не ушел от применения норм об ответственности участников компании. В данном деле рассматривался вопрос не только ответственности директоров, но и вопрос о возврате средств в капитал фирмы.

Так в 2007 году Германский Верховный Суд применяет новую концепцию в рассмотрении дел о банкротстве. Теперь становится возможным привлечение лиц за «разрушительное вмешательство», вместе с тем, подать иск о возврате уставного капитала в компанию.

Итак, опыт Германии показывает, что рассмотрение дел о банкротстве может происходить в двух плоскостях, как противоправные действия в целом,

так и привлечение контролирующих должника лиц. Судебная практика сыграла ключевую роль в становлении и развитии субсидиарной ответственности.

Приведённые выше примеры истории становления института «прокалывания вуали», необходимо отметить, что европейские суды избегают необоснованного вмешательства в принципы ограниченной ответственности.

«Представляется, что институт ответственности контролирующих лиц при банкротстве прошел длинный путь становления: от этапа неприятия ответственности акционера более, чем его вклад в уставный капитал до этапа неприятия судами опоры на формальные критерии, при наличии признаков мошеннических действий управляющих, направленных на преднамеренное банкротство, в условиях личной выгоды, наносящих вред кредиторам» [19].

В решении, которое может оказаться эпохальным, суд Дубая ранее в этом месяце постановил, что директора компании, находящейся в состоянии банкротства, должны нести личную ответственность за долги компании на сумму почти 450 000 000 дирхамов ОАЭ (около 122 000 000 долларов США).

Статья 144 Федерального закона № 9 от 2016 года («Закон о банкротстве») позволяет суду обязать директоров выплатить долги обанкротившейся компании, если:

- активов компании недостаточно для погашения по крайней мере двадцати процентов (20%) ее долгов;
- ответственность за убытки компании установлена в соответствии с Федеральным законом № 2 от 2015 года («Закон о коммерческих компаниях»).

Опыт банкротства привлекает и законодательство ОАЭ.

Статья 201 Закона ОАЭ о банкротстве также дает право суду вынести решение о тюремном заключении при определенных обстоятельствах, в том числе в случае непредоставления информации конкурсному управляющему. В обоих случаях простого отсутствия директора на конкретном заседании совета директоров недостаточно, чтобы избежать ответственности.

В рассматриваемом деле ПАО «Марка» суд установил, что директора компании не предоставили конкурсному управляющему необходимую информацию и иным образом неправильно управляли компанией, нарушая свои обязанности в соответствии с Законом о коммерческих компаниях.

Несмотря на то, что (i) решение вынесено Судом первой инстанции Дубая и, следовательно, может быть обжаловано, и (ii) в ОАЭ нет системы обязательного судебного прецедента, тот факт, что такое постановление было вынесено по собственной воле Суда (без какого-либо ходатайства), свидетельствует о готовности со стороны судов принимать очень активное участие в процедурах корпоративного банкротства. Поэтому директорам компаний, зарегистрированных в ОАЭ, было бы целесообразно обеспечить, чтобы:

- они выполняют свои обязанности директоров в соответствии с Законом о коммерческих компаниях;
- любые возражения, которые у них есть против конкретных сделок (особенно тех, которые могут считаться финансово рискованными), отмечаются в протоколах правления, и, даже если такие сделки одобрены, принимаются все меры для защиты компании; и
- если компания уже находится в стадии банкротства, ее отношения с судом и любым доверительным управляющим, назначенным в рамках процедуры банкротства, должны быть полностью прозрачными.

Современное становление законодательства в области регулирования банкротства происходит и в новейшей мировой истории. Наблюдается новый виток развития законодательства в данной сфере. Одной из предпосылок является разнообразная судебная практика во всем мире.

Например, дело *Beckett Investment Management Group v. Hall* о контрактных отношениях между компанией нанимателем и бывшими работниками в части положения о неконкуренции, апелляционный суд «снял» корпоративную вуаль между дочерней и материнской компаниями для установления факта нарушения условий контракта бывшими работниками

дочерней корпорации [56]. Также Палатой лордов было рассмотрено дело *Stone & Rolls v. Moore Stephens*. Суд Англии, по материалам дела, установил, что со стороны директора и акционера, выступающего в одном лице и директором и учредителем, не является мошенником. Кредиторам, подавшие иск, суд был вынужден отказать в требованиях к директору, поскольку он был признан судом лишь «волей и разумом компании».

Реальный текст законодательства носит весьма массивный объем информации и наполнен различными терминами и понятиями. На практике, это приводит к затягиванию рассмотрения дела, на эту чашу весов ложится и анализ обстоятельств, приводящих к банкротству. В связи с этим, суды применяют упрощенный вариант «прокалывания вуали», для упрощения и ускорения производства.

«Практической альтернативой ему часто становится так называемый однофакторный тест (*single-factor doctrine*), согласно которому нужно установить всего один из следующих фактов (которые характеризуют две разновидности данного подхода), при условии, что он носит «вопиющий» характер: нарушение принципа разделения (*lack of separate identity*) либо использование корпорации для совершения обманных, а равно и других неправомерных целей» [6].

Стоит упомянуть о мировом финансовом центре – Гонконге. Существующая комиссия по правовым вопросам предложила свою концепцию «О несостоятельной торговле». Данный документ был призван реализовать правила привлечения заинтересованных лиц должника к личной ответственности. Таким образом, привлекая внимание директоров к исполнению обязательств. Однако, данный документ не легализовали, но при этом ответственность, хотя и косвенным образом, но явилось неизбежностью по отношению контролирующего должника лица. На том основании, что в соответствии с действующим законодательством Гонконга возможен запрос о состоянии финансовых документов не только настоящих сотрудников, но и бывших. Кроме того, существует уголовная ответственность в отношении лиц,

не предоставившие необходимые документы, предоставленные недостоверные документы или не предоставившие в полном объеме финансовые отчеты и документы.

Уголовная ответственность предусмотрена в отношении контролирующего должника лицо, если суд сочтет его действия, как мошенничество. Стоит отметить, что другого вида ответственности, указанных лиц, законодательство Гонконга не предусматривает

По мнению ученых, сегодня мы являемся свидетелями нового этапа развития института «прокалывания вуали». Классические доктрины подвергаются анализу, выявляются недостатки и достоинства, подходы и современные условия в экономике.

На основании проведенных исследований (А.А. Иванов, И.Ф. Колонтаевская, Т.П. Подшивалов) подчеркивают, что доктрина «прокалывания вуали» является положительным опытом мирового масштаба, поскольку «установления бенефициаров бизнеса и оценки причиненного ущерба, вызванного недобросовестным поведением контролирующих должника лиц.»

На основании проведенного анализа исторического становления института «прокалывания вуали» и связанный с ним аспект привлечения к ответственности контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности необходимо заключить, что в существующих правовых системах, с их особенностями, все же существуют общие тенденции. В основе своей мы можем наблюдать оказываемый фактический контроль и недобросовестное поведение лиц, которое подлежит доказыванию. Исторический и зарубежный опыт дает основания развития института банкротства (несостоятельности), развитие экономики, технологий и других отраслей права, играют первостепенную роль в становлении и развитии законодательства о банкротстве, субсидиарной ответственности и ответственности контролирующих должника лиц.

Суды зарубежных стран весьма детально подходят к вопросу доказывания виновного лица, относительно ухода от ответственности и требований кредиторов и называют такой процесс «прокалыванием вуали», означающий выявление реальное положение дел и возможен ли вариант вывода активов каким-либо способом.

Зарубежный опыт оказывает положительное влияние на развитие национального законодательство, в частности на выявление и квалификацию деятельности лиц несущие субсидиарную ответственность руководителя должника и других лиц. В настоящее время, на данный процесс оказывается влияние со стороны новых экономических систем, развития техники и технологии. Развитие и внедрение новых правил регулирования, привлечения к ответственности лиц, невозможно без изучения исторического аспекта и опыта зарубежных стран.

Глава 2 Особенности и порядок привлечения фактического руководителя должника к субсидиарной ответственности

2.1 Привлечение к субсидиарной ответственности руководителя контролирующего должника лиц в деле о банкротстве

Законодательством предусмотрена субсидиарная ответственность для привлечения руководителя к ответственности, особенно это актуально в случаях неисполнения долговых обязательств организациями и процедурой банкротства. Кроме того, наблюдается рост случаев банкротства юридических лиц, данный факт объясняется не только мировым экономическим кризисом, но и не стабильной внутренней экономической ситуацией.

Весьма важным вопросом, рассматриваемым учеными-юристами, остается проблема привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица. «Целью привлечения к субсидиарной ответственности выступает удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника на основе привлечения к ответственности виновного КДЛ. При этом субсидиарная ответственность, исходя из норм действующего законодательства, носит не штрафной, а компенсационный характер» [50].

Субсидиарная ответственность рассматривается в контексте законодательства, как компенсации, а не как штрафы, поскольку это выходит за рамки гражданско-правового регулирования. Вполне оправдано, что основной целью субсидиарной ответственности является удовлетворение требований кредиторов.

В.Г. Голубцов в своем исследовании о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, ссылаясь на п. 4 мт. 10 первой редакции закона «О несостоятельности (банкротства)» в частности указывал, что «в случае банкротства должника по вине учредителей (участников) должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия или иных лиц,

в том числе по вине руководителя должника, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия, на учредителей (участников) должника или иных лиц в случае недостаточности имущества должника может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам. Он также раскрывал некоторые недостатки действующего законодательства. Необходимо четко определить такие понятия, как, «слова «руководитель должника» должны стоять после слов «собственника имущества должника – унитарного предприятия», а не после слов «иных лиц»», мы можем вычленить из нее условия наступления субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц:

1. Противоправное поведение контролирующего должника лица – это действия (бездействия), приведшие к банкротству. Использование здесь слов «по вине» контролирующего должника лица с позиций теории юридической ответственности неверно: банкротство наступает не по вине субъекта правонарушения, а в результате его действий (бездействий), были ли эти действия (бездействия) виновными или невиновными – это вопрос другой, так как вина – это самостоятельное условие ответственности, отличное от противоправного поведения.

2. Вредное последствие противоправного поведения контролирующего должника лица – банкротство должника при одновременной недостаточности имущества должника.

3. Причинно-следственная связь между противоправным поведением контролирующего должника лица и негативными последствиями (в случае банкротства...).

4. Вина контролирующего должника лица, которая презюмируется в силу общегражданских правил.

В соответствии с положением статьи 41 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицо может быть признано виновным, если оно не выполнило обязательство или выполнило ненадлежащим образом, несет

ответственность, предусмотренную гражданско-правовым договором или законодательством. Если лицо действовало на основании принципов законности и ответственности, принимало все добросовестные действия во исполнение обязательства, признается невиновным. При этом, отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство» [8].

Рассматриваемый пункт 4 статьи 10 закона «О несостоятельности (банкротства)» в редакции закона № 73 была дана совершенно иная формулировка, а именно: «Контролирующие должника лица солидарно несут субсидиарную ответственность по денежным обязательствам должника и (или) обязанностям по уплате обязательных платежей с момента приостановления расчетов с кредиторами по требованиям о возмещении вреда, причиненного имущественным правам кредиторов в результате исполнения указаний контролирующих должника лиц, или исполнения текущих обязательств при недостаточности его имущества, составляющего конкурсную массу. Контролирующее должника лицо не отвечает за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, если докажет, что действовало добросовестно и разумно в интересах должника»

В научных источниках было высказано следующее мнение: «несмотря на различие формулировок ... редакций пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве, их смысл оставался неизменным: субсидиарная ответственность наступает в случае совершения контролирующими должника лицами действий (бездействия), повлекших его банкротство» [13].

Противоправное поведение контролирующего должника лица заключается в данных указаниях, имеющие обязательный характер. Например, если был причинен вред правам кредиторов не в силу указаний контролирующего должника лицом, а посредством иных способов определять действия, то тогда возникает вопрос: в последнем случае субсидиарная ответственность не возникает? В данном случае, такое противоправное действие контролирующего должника лицо должно иметь место в последние два года до подачи заявления в суд о признании должника банкротом.

Наступление вредных последствий в результате действий контролирующего должника лица, в соответствии с 73 Федеральным законом определяется как вред правам кредиторов, вместе с тем, имеется недостаток имущества должника. По мнению Голубцова В.Г., данная формулировка не является верной, поскольку, «замена законодателем в рассматриваемом составе понятия вредного последствия в виде «банкротства должника» на достаточно широкий термин «вред, имущественным правам кредиторов» не представляется очевидно целесообразным».

Причинно-следственная связь рассматривается 73 законом, как причинение вреда кредиторам в следствии указаний контролирующего должника лицо. А именно, должна просматриваться четкая связь между наступившими последствиями и поведением контролирующего должника лицом. «для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности мало доказать факт дачи им обязательного для исполнения указания, который тоже нужно еще доказать» [17]. Обязательным условием доказывания деятельности контролирующего должника лицо в интересах должника, в тоже время такое действие может выступать вредным для интересов кредитора. Таким образом необходимо выяснить имела ли место причинно-следственная связь рассматриваемых действий со стороны должника. При этом важным вопросом остается, на основании каких распоряжений действовало лицо в исполнении обязательств, имело ли место выполнение указаний или их неисполнение в угоду руководителя.

Новый федеральный закон № 222 уточнил и дополнил условия невиновности на основании гражданского законодательства «если оно действовало в интересах должника и его действия были разумны».

Новый закон наиболее удачно определил противоправные действия или бездействия должника, в следствии чего стало невозможным погашение требований кредиторов. Законодатель четко определил срок таких действий – три года до подачи заявления в суд о признании должника банкротом.

Законодатель также изменил и понятие вредные последствия и определил их как невозможность погашения требований в полном объеме из-за недостаточности объемов активов.

«понятие ... «ответственность за действия (бездействие), вследствие которых невозможно полное удовлетворение требований кредиторов» шире, чем доведение до банкротства. Оно включает ситуации, когда должник стал не в состоянии рассчитаться по своим обязательствам не из-за действий (бездействия) контролирующего должника лица, однако затем это лицо совершило действия (проявило бездействие), существенно ухудшившие финансовое положение должника» [49].

Зачастую, именно действия или бездействия руководителя должника приводят к банкротству, а зачастую такие действия или бездействия являются целенаправленными. Вместе с тем необходимо указать круг лиц, считающихся контролирующими лицами:

- члены исполнительного органа юридического лица;
- руководитель организации (директор), в том числе действующий на основании доверенности;
- уполномоченные лица, в том числе в силу должностного положения;
- лица, имеющие 50% голосующих акций.

Кроме того, к такой категории лиц, могут относиться участники капитала юридического лица, или инвестор, и таким образом он подпадает в круг субсидиарной ответственности. Данный вид ответственности призван увеличить долю имущества должника, при невозможности выполнения взятых на себя обязательств.

Современное законодательство о банкротстве, не только не сохранила ответственность сторон, но и дополнило его прозрачными правилами и деталями, а также сделало его более понятным для кредиторов. «Применение субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, с одной стороны, фактически возвращает Закон № 127-ФЗ к «прокредиторской» модели, с другой – позволяет снизить риски и минимизировать негативные последствия

злоупотреблений контролирующими лицами должника (уклонение от уплаты налогов, сокрытие имущества от включения его в конкурсную массу, вывод активов и т. п.)» [29].

В настоящее время, в соответствии с ФЗ № 123, п. 5 ст. 61.10, суд наделен правом самостоятельно определить основания, определяющие контролирующего должника лицо, в зависимости от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. При этом учитываются и результаты оперативно-розыскной деятельности, относительно личных взаимоотношений, например, длительные дружеские отношения или совместное проживание.

В связи с новизной законодательства, при применении норм возникают вопросы в процессе его применения, в следствии чего Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление от 21 декабря 2017 года «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», в котором находят свое отражения следующие пояснения: меры ответственности формального руководителя и между руководителем и контролирующим должника лицом.

Актуальным вопросом остается привлечение контролирующего должника лица за вывод активов компании за рубеж, за пределы компании, продажи активов по заниженной стоимости. Формулировки могут быть весьма различные, однако суть таких действий неизменна – это уход от ответственности перед должниками. Сегодня, когда зарубежные банковские счета, арестованы, находятся под зарубежными санкциями, становится невозможным выводить активы за рубеж или офшорные компании. Недобросовестные предприниматели, предпринимают все новые и новые уходы от ответственности от исков кредиторов. В ближайшем будущем, возможна новая волна изменений в профильном законодательстве, в частности регулирования ответственности контролирующего должника лицо.

Ярким примером может служить деятельность юридического лица, используя пробелы в законодательстве. Одно юридическое лицо создает

другое юридическое лицо, с целью перевода активов, посредством фактической покупки акций второго. Получается, что второе юридическое лицо, в итоге, испытывает финансовые затруднения и таким образом доводится до банкротства. Подобная ситуация изложена в деле № А60-16899/2010, по которому постановлением Федерального арбитражного суда Уральского округа от 2 июня 2014 года № Ф09-2321/1417 принято решение о привлечении к субсидиарной ответственности» [11].

Еще одним примером является то, что к ответственности привлекаются за недостаточную капитализацию компании. При этом, законодатель четко определил, что такая ответственность является гражданско-правовая.

Возможны случаи, когда привлекаются к ответственности руководитель собственника на основании недостаточной капитализацией при создании коммерческой организации, но в данном случае, думается, речь будет идти о привлечении учредителей такой организации.

Кроме того, необходимо учесть проблемы привлечения контролирующих должника лиц к ответственности. Например, «Верховный Суд Российской Федерации высказал свою позицию, относительно того, что статья 61.11 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)», указав, что ответственность является гражданско-правовой, соответственно при ее применении необходимо учитывать общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации указанные статьей 25 и 59, которые указывают на ответственность за нарушение обязательств и в следствии чего причинение вреда в части, не противоречащей Федеральному Закону «О несостоятельности (банкротстве)». Состав гражданского правонарушения, достаточного для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, является субъект ответственности, противоправные действия (бездействия), повлекшие ущерб, причинно-следственная связь деяния и ущерба, вина субъекта» [43].

При этом, наличие номинального директора не отличается новизной, однако такое положение вещей преследует определённые цели, так, например,

подобная схема является махинацией и даже мошеннической схемой ухода от обязательств. Не новы случаи, когда гражданин не подозревает о том, что в отношении его персоны вынесено решение суда о взыскании имущества в пользу кредиторов. Такое противоправное действие имеет слабые позиции доказывания невиновности и непричастности к деятельности коммерческого юридического лица, признанного банкротом. Еще одной целью является введение в заблуждение участников гражданских правоотношений во избежание негативных последствий фактического руководителя. Данный вопрос, в настоящее время весьма актуален и отличается сложностью доказывания и определения лица, являющимся реальным носителем полномочий и компетенций.

Рассматривая данную проблему необходимо обратиться к пояснениям Верховного Суда Российской Федерации, закрепил ответственность номинального и фактического директоров юридического лица при доведении его до банкротства. При рассмотрении дела, суд должен принять на все доказательства, указанные в законодательстве: переписка сотрудников, свидетельские показания.

«Первостепенным является в процессе доказывания, суд должен быть уверен в умышленном обмане кредиторов ответчиком. Относительно момента «заведомо обладал информацией» необходимо учитывать, что в соответствии со статьей 53 АПК РФ бремя доказывания ложится на истца, подавшего иск о признании оспоримой сделки недействительной» [28].

В случае ухудшения финансового положения, следствием чего явилось неплатежеспособность в результате действия или бездействия КДЛ, наступает субсидиарная ответственность.

В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации, в своих рекомендациях отмечает, что необходимо установить, какие последствия наступили при действиях должника, а именно, если причинен вред в отношении должника, то это следует рассматривать, как убытки, а если

действия привели к банкротству, то имеет место субсидиарная ответственность.

«Существует объективная сложность в доказывании причинно-следственной связи и вины Верховный суд Российской Федерации предоставил возможность судам переквалифицировать заявленное истцом требование, например, о привлечении к субсидиарной ответственности в требование об убытках, и наоборот» [30].

«В силу п. 5 ст. 10 ГК РФ истец должен доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица. Не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (п. 3 ст. 53 ГК РФ). В то же время наряду с таким директором солидарную ответственность за причиненные этой сделкой убытки несут члены указанных коллегиальных органов (п. 3 ст. 53 ГК РФ, п. 4 ст. 71 Закона об АО, п. 4 ст. 44 Закона об ООО). Не несут ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу, те члены коллегиальных органов юридического лица, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение убытков, или, действуя добросовестно (ст. 1 ГК РФ), не принимал участия в голосовании (п. 2 ст. 53.1 ГК РФ, п. 2 ст. 71 Закона об АО, п. 2 ст. 44 Закона об ООО).» [20] «Кроме того, надлежит принимать во внимание ограниченные возможности членов коллегиальных органов юридического лица по доступу к информации о юридическом лице, на основании которой они принимают решения» [45].

В обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019, также указано: «Лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). Ссылка единоличного исполнительного органа на то, что он исполнял решение общего собрания, не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу». Как разъяснено в указанном пункте, единоличный исполнительный орган не может ссылаться на то, что он просто исполняет решение общего собрания, как на основание освобождения его от ответственности за убытки, причиненные обществу, поскольку это часть его обязанностей — оценивать в ходе управления обществом, насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда. Такой подход препятствует единоличному исполнительному органу избегать ответственности, передавая вопросы на рассмотрение общего собрания акционеров» [20].

«Недобросовестные действия (бездействие) Недобросовестность действий (бездействия) директора считается доказанной, в частности, когда директор: действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки, за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке; скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица. Уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица; знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например совершил сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо

невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т. п.)» [20].

В гражданском праве существует понятие невыгодной сделки, Данной сделкой признается та, которая совершается на невыгодных условиях для юридического лица. Например, заключается сделка по цене, которая отличается от рыночной и без пользы приобретателя. Либо, совершается сделка в пользу контрагента, при этом условия гражданско-правового договора разительно отличаются от типовых договоров в данной сфере предпринимательства. «Невыгодность сделки определяется на момент ее совершения; если же невыгодность сделки обнаружилась впоследствии по причине нарушения возникших из нее обязательств, то директор отвечает за соответствующие убытки, если будет доказано, что сделка изначально заключалась с целью ее неисполнения либо ненадлежащего исполнения» [45].

Отдельные виды противоправного поведения Добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключаются в принятии им необходимых и достаточных мер Абз. 1–7 п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ № 62. 142 П. 3 Постановления Пленума ВАС РФ № 62. 237 для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством. В связи с этим в случае привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т. п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора. При обосновании добросовестности и разумности своих действий (бездействия) директор может представить доказательства того, что квалификация действий (бездействия) юридического лица в качестве правонарушения на момент их совершения не являлась очевидной, в том числе по причине отсутствия единообразия в применении законодательства налоговыми, таможенными и иными органами, вследствие чего невозможно

было сделать однозначный вывод о неправомерности соответствующих действий (бездействия) юридического лица.

При оценке добросовестности и разумности подобных действий (бездействия) директора арбитражные суды должны учитывать, входили или должны ли были, принимая во внимание обычную деловую практику и масштаб деятельности юридического лица, входить в круг непосредственных обязанностей директора такие выбор и контроль, в том числе не были ли направлены действия директора на уклонение от ответственности путем привлечения третьих лиц.

П. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 62. 144 П. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 62. NB. Анализ судебной практики показывает, что привлечение руководителей должников к ответственности за убытки по корпоративным основаниям в большинстве случаев обусловлено совершением ими убыточных сделок, в том числе при неравноценном встречном предоставлении» [20].

На основании норм Гражданского законодательства предусматривается субсидиарная ответственность, как вид деликтной ответственности, «обязанность причинителя вреда произвести возмещение убытков кредиторы в полном объеме, но не сверх того», иначе говоря, взыскиваемая сумма с банкротившегося не должна превышать их действительный размер.

В соответствии с законодательством о банкротстве, кредитор имеет требовать от субсидиарного должника возмещение непогашенных требований.

В настоящее время отсутствуют правила и методика снижения размера субсидиарной ответственности, и ответственности контролирующих должника лиц, если в деле участвуют государственные структуры или службы.

«Кроме этого, необходимо иметь в виду, что в настоящее время в соответствии с пп. 2 п. 4 ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предполагается, что участник юридического лица является контролирующим лицом, если он и аффилированные с ним лица (в частности,

применяется статья 53.2 Гражданского кодекса Российской Федерации) вправе распоряжаться 50 и более процентами акций должника, либо имеют в совокупности 50 и более процентов голосов при принятии решений общим собранием, либо их голосов достаточно для назначения (избрания) руководителя должника» [7].

«Арбитражные суды признавали данных акционеров контролирующими лицами и делали вывод о наличии их вины в наступлении банкротства, мотивировав свое решение тем, что избрание вышеназванных руководителей сделало возможным совершение последними действий, направленных и преследующих банкротное состояние должника. При этом в материалах дела отсутствовали доказательства, указывающие на то, что привлекаемые к ответственности руководители должника действительно были избраны этими акционерами (имевшими менее 50% акций), к тому же не учитывался тот факт, что они не участвовали ни в одном из общих собраний.» [23]

В случаях, когда наступает ухудшение финансового положения, необходимо определить истинных бенефициаров, деятельность контролирующих должника лиц. Зачастую, требуются доказательства и информация, имеющаяся только у правоохранительных органов. На этом основании необходимо обеспечить взаимодействие суда и правоохранительных органов в деле о банкротстве (несостоятельности) «В результате возникает еще один проблемный аспект, необходимость эффективного взаимодействия судов со следственными органами» [50].

Следует отметить, что не является редкостью следующие случаи, когда юридическое лицо является, например, негосударственным пенсионным фондом и деятельность такой организации играет важную роль в развитии социально-экономической сфере, поскольку вкладчиками являются физические лица особого статуса или на основании закона имеют дополнительную социальную защиту. Поэтому процедура банкротства подобных организаций оказывает весьма негативное влияние не только на

граждан, которые могут потерять вложенные средства, но и на общую социально-экономическую ситуацию.

«В отношении КДЛ негосударственных пенсионных фондов, деятельность которых связана с обязательным пенсионным страхованием граждан, также существуют специфические требования, которые связаны со сроком выдачи указаний, обязательных для исполнения должником, или руководства иными действиями должника» [50].

Кроме того, существуют особенности в привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ страховых организаций. «Не менее важное значение при привлечении КДЛ страховых организаций-должников к субсидиарной ответственности имеет факт передачи баз данных, которые содержат информацию об имуществе и обязательствах самой организации»

Изучая вопрос банкротства относительно именно страховых компаний и негосударственных пенсионных фондов, оказывающие особое влияние на экономику государства, необходимо отметить, что изменённое законодательство о банкротстве в 2017 году относительно страховых организаций претерпело изменение, а вот относительно негосударственных пенсионных фондов, законодательство осталось без изменений.

Основанием для сложного восприятия законодательства о банкротстве является дублирующие друг друга, в отношении подобных ситуаций. Например, разъяснения Верховного суда РФ, Постановление № 53 составлено бесструктурно. Так же сложна для понимания Глава 3 Закона о банкротстве, например, наблюдается отсутствие логики в изложенных нормах.

Нельзя не отметить, что современная юридическая наука уделяет достаточно значительное внимание изучению вопросов несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, однако ввиду того, что проблема привлечения к ответственности КДЛ в ситуации банкротства предприятия носит достаточно широкий характер (как в ракурсе различных видов ответственности, так и широкого перечня разнообразных аспектов, которые необходимо учитывать), изучение нормативных подходов и имеющихся

проблем в данной области как в теоретическом, так и в практическом плане, приобретает особую важность в современных условиях, характеризующихся рядом негативных макроэкономических тенденций, вызванных последствиями пандемии коронавирусной инфекции.

«Лицо, контролирующее должника, в следствии действий (бездействий) которого удовлетворить требования кредиторов стало невозможным, не несет субсидиарную ответственность только в случае, если докажет отсутствие его вины. Не привлекается, контролирующее лицо к ответственности, если оно докажет, что действовало в рамках обычного гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах Должника и его учредителей, не нарушая интересов кредиторов, либо его действия направлены на предотвращение еще большего ущерба интересам кредиторов. В общем, в последние годы субсидиарная ответственность в делах о несостоятельности, механизм привлечения руководителей к ответственности демонстрирует положительную динамику по основным показателям. Поправки, введенные законодателем, расширяют применение механизма субсидиарной ответственности. При ужесточении ответственности органов управления Должника следует развитие практики страхования ответственности представителей органов управления. Основанием для субсидиарной ответственности являются действия руководящего лица, отрицающего субъективность должника, принимая решения за него без учета самостоятельности в обороте. Субсидиарная ответственность наступает при выявлении истинного субъекта отношений, имеющего фактические полномочия, осуществляющего их за счет имущества Должника в ущерб интересам кредиторов. На практике прослеживается тенденция отказа от формальных критериев, определяющих контролирующее лицо при оценке возможности влияния на решения Должника. Важное значение придается критерию существенности при определении степени влияния контролирующего лица на Должника. Верховный суд ввел дополнительные

оценочные критерии, не имеющие четкого определения, для расширения сферы судебного усмотрения по категориям дел данного рода» [5].

2.2 Анализ правоприменительной практики о субсидиарной ответственности в деле о банкротстве

В настоящее время, регулирование процесса банкротства, весьма актуально, это связано, прежде всего с экономическими аспектами развития государства. Особенную важность данный вопрос приобретает в условиях, когда мировая экономика находится в кризисном состоянии, международные экономические связи рушатся, зарубежные банковские счета заморожены и многие организации ищут выход из сложившихся условий, другие, не выдержав экономических санкций приступают к процедуре банкротства.

Сложность процедуры банкротства связано еще и с тем, что в процессе замешаны интересы множества лиц и сторон. В силу законодательства интересы сторон защищены не равномерно, например, интересы кредиторов находятся в приоритете, такое смещение интересов объясняется тонкостями конкурсного производства и влиянием на ход дела.

«Уже с момента принятия к рассмотрению заявления кредитора о включении в реестр требований, он вправе возражать относительно требований других лиц. Кредиторы имеют исключительное право утверждения и изменений плана реабилитационных процедур. В ходе конкурсного производства кредитор получает право участвовать в собрании кредиторов, которое разрешает основные вопросы в ходе дела о банкротстве и обладает широким кругом полномочий по влиянию на действия арбитражного управляющего, к которому переходят управленческие функции. В частности, собрание кредиторов вправе принять решение о применении конструкции замещения активов и иных реабилитационных механизмов. Указанное позволяет согласиться с выводом, что российское законодательство о банкротстве имеет явную прокредиторскую направленность» [22].

«Несмотря на недостатки такого подхода, необходимо признать о наиболее разработанном и эффективном инструментарии защиты интересов кредиторов от злоупотреблений со стороны контролирующих лиц и бенефициаров корпораций, закреплённом, как в законодательстве, так выработанными в судебной практике. Так, в целях противодействия поведению, направленному на вывод активов посредством цепочки сделок, в настоящий момент в практике суды применяют механизм солидарной реституции [12]. Важнейшим инструментом в системе мер, направленных на защиту кредиторов от недобросовестных действий со стороны должника и аффилиантов, является институт субординации требований кредиторов, позволяющий противодействовать выводу активов должника и установлению контроля над процедурами банкротства, понижение в реестре требований переквалифицируемых в корпоративные» [21].

На основании вышесказанного не решает проблематику банкротства, о чем можно судить, опираясь на статистические данные.

«Современная сложная экономическая ситуация способствует росту банкротств. По данным портала «Федресурс», в первом квартале 2022 года количество банкротств юридических лиц возросло на 6,4%, до 2544» [3]. «Статистика за 2021 год также неутешительна, количество банкротств юридических лиц выросло на 3,9% по сравнению с 2020 годом — до 10319, после снижения на 19,9% годом ранее» [4].

«При этом интересно, что количество удовлетворенных судами заявлений о привлечении контролирующих должника лиц (далее - КДЛ) к субсидиарной ответственности также увеличивается, исключение составляет 2020 год: за 2016 год - 16%, 2017 - 22%, 2018 - 38%, 2019 - 41%, 2020 - 39%, 2021 - 46%;

- количество привлеченных к ответственности КДЛ: в 2016 году - 506 чел., 2017 - 923 чел., 2018 - 2125 чел., 2019 - 3401 чел., 2020 - 3191 чел., 2021 - 3520 чел.;

- общий размер присужденных кредиторам сумм (руб.): в 2016 году - 70 млрд, 2017 - 103,2 млрд, 2018 - 330,3 млрд, 2019 - 440,5 млрд, 2020 - 395,3 млрд, 2021 - 444,8 млрд»

Данные за 2020 год следует корректировать учитывая ситуацию, связанную с пандемией, вызванной коронавирусной инфекцией.

Рассматриваемая дефиниция, как «субсидиарная ответственность» в сфере банкротства имеет свои тонкости, отличительные признаки и специфику, которую необходимо учитывать и изучать, в виду того, что, законодательство не предоставляет некоторые определения терминам, в связи с этим, возникают и разночтения в судебных решениях. Кроме того, необходимо анализировать позиции сторон, поскольку они часто злоупотребляют своими правами. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», где указано, что «привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта, наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица» [27].

«Следующая позиция состоит в том, что это ответственность за вмешательство в дела третьего лица. Казалось, окончательную точку в споре о правовой природе субсидиарной ответственности поставил Верховный Суд РФ, указав на то, что, субсидиарная ответственность по обязательствам должника (несостоятельного лица) - это «вид гражданско-правовой ответственности, которая наступает в связи с причинением вреда

имущественным правам кредитора подконтрольного лица. В части, не противоречащей специальному регулированию законодательства о банкротстве, данный вид ответственности подлежит применению положения гл. 25 и 59 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016). ВС РФ указывает на деликтный характер субсидиарной ответственности (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53). Несмотря на указанную позицию ВС РФ, в судебной практике имеются и противоположные выводы: «По своей правовой природе субсидиарная ответственность является дополнительной по отношению к обязательству основного должника» (ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом механизм привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве носит исключительный и экстраординарный характер (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2020 № Ф07-16615/2019 по делу № А56-66487/2010, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2020 № 09АП-2781/2020 по делу № А40-103736/2016, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2020 № Ф05- 11415/2019 по делу № А40-203647/2015). Однако в этой связи возникает проблема определения объема этой ответственности. При классической деликтной ответственности объем вреда определяется суммой, на которую уменьшилось имущество потерпевшего, например на размер утраченного. При определении объема возмещения вреда при субсидиарной ответственности в банкротстве объем ответственности гораздо больше; так, например, если продали активы компании по заниженной цене, что привело к прекращению деятельности компании и впоследствии к банкротству, то убытки здесь определяются далеко не суммой занижения цены» [27].

Относительно определения юридической природы субсидиарной ответственности интересно мнение Р.Т. Мифтахутдинова «Это никакая не субсидиарная (в смысле субстантивная, дополнительная) ответственность, а

классический деликт, потому что вред кредиторам был причинен в результате противоправного поведения» [9]

Для наделения лица статусом КДЛ необходимо к тому же наличие «возможности определять действия должника». ФЗ № 127 фиксирует такие способы, при этом оставляя перечень открытым, в связи с чем по этому вопросу было дано разъяснение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53, где определение действий должника трактуется следующим образом: «Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника»

«Таким образом, для признания лица КДЛ необходимы временной критерий влияния на должника, определение действий должника, наличие вины и причинно-следственной связи между действиями КДЛ и банкротством должника. Для упрощения процедуры доказывания статуса КДЛ в законе о банкротстве также были включены «презумпции» признания КДЛ, бремя опровержения которых лежит на лице, которое было заявлено как контролирующее должника». Так, п. 4 ст. 61.10 закона о банкротстве указывает на следующие презумпции, которые желательно рассматривать и доказывать в совокупности, в противном случае может последовать отказ в признании у лица статуса КДЛ» [19] (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.11.2020 № Ф09-8660/18 по делу № А60-50826/2016): «презумпции контроля» и «презумпции распоряжения». Содержание целесообразно раскрыть следующим образом: «лицо являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии; имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50% и более голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной доли уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, или более чем половиной голосов в общем

собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника; извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени, включая членов коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления)». В литературе встречаются точки зрения, где данную презумпцию дополнительно делят на «презумпцию фактического контроля и отсутствие контроля». Отсутствие контроля закреплено в законе п. 6 ст. 61.10 закона о банкротстве [27].

«Фактический контроль включает «наличие реальной власти (фактической, а не юридической) одного лица над другим лицом, исключение или подавление де-факто контролирующим лицом воли контролируемого лица» [48].

На основании вышесказанного, следует помнить, что руководитель организации также несет субсидиарную ответственность и может выступать в роли КДЛ. Например, «Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53, что также подтверждается региональной судебной практикой (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2018 № Ф09-3499/18 по делу № А76-23547/2013). В практике действие указанных презумпций наглядно проявились в деле о привлечении С. В. Пугачева к субсидиарной ответственности по обязательствам акционерного общества «Международный Промышленный Банк»: «Наличие фактического контроля над должником было установлено по совокупности обстоятельств, в том числе: существования в банке системы согласования и принятия решений, в соответствии с которой без согласия С. В. Пугачева не могло быть принято ни одно решение в банке (проведение собеседования при приеме лиц на работу в банк, согласование вознаграждения работникам банка, участие в рабочих совещаниях банка, дача прямых указаний должностным лицам банка на подписание сделок от имени банка, участие в переговорах с третьими лицами

от имени банка, необходимость согласования с ним любых решений и сделок банка); наличия у С. В. Пугачева своего кабинета в офисе банка» [41].

Рассмотрим другой пример привлечения бенефициара к субсидиарной ответственности. «в деле о банкротстве АКБ «Инвестторг-Банк». В. В. Гудков являлся контролирующим лицом банка, так как он давал интервью газете «Ведомости», информационному portalу Banki.ru, журналу «Финмаркет» о деятельности, проблемах и планах банка на ближайшую перспективу (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 декабря 2016 года № Ф05-19470/2016 по делу № А40-56167/2016). «Так, классической схемой получения выгоды являются фиктивный документооборот, разделение предпринимательской деятельности общества на рисковые («центры убытков») и безрисковые («центры прибылей») центры» [31] и аккумуляция на стороне должника основной долговой нагрузки (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.07.2021 № Ф01-1535/2021 по делу № А29-10924/2019). При этом презумпция выгоды может применяться и к родственникам КДЛ, в том числе к детям, но только совершеннолетним. Так, в одном из дел суд отказал в привлечении в качестве КДЛ несовершеннолетнего ребенка директора общества, указав на то, что «к несовершеннолетним детям контролирующих лиц неприменима презумпция контролирующего выгодоприобретателя (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) в силу объективных особенностей отношений несовершеннолетних детей и их родителей, которым обычно присущи, с одной стороны, стремление родителей оградить детей от негативной информации, с другой стороны, повышенный уровень доверия детей к своим родителям. Вместе с тем изложенное не исключает возможность использования родителями личности детей в качестве инструмента для сокрытия принадлежащего родителям имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов о возмещении вреда, причиненного родителями данным кредиторам» (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-

131425/2016). Указанное дает основания для оспаривания сделки по общим нормам закона о банкротства, но при этом исключает полностью механизм применения субсидиарной ответственности КДЛ» [27].

Кроме того, в соответствии с письмом ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» отражены основания признания лицо КДЛ, это могут быть неформальные отношения, длительные служебные отношения или совместное выполнение трудовых функций.

На основании вышесказанного, можно сделать один из промежуточных выводов касаясь юридической природы и понятия субсидиарной ответственности. Данное понятие отличается сложностью и многогранностью отношений в гражданском законодательстве. Оказывает огромное влияние на ход судебных дел и постановления Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Как видно из исследования вопроса в каждом конкретном случае структура субсидиарной ответственности влияет на объем доказывания и определения круга лиц, которые могут быть привлечены к процессу. Необходимо отметить, что возможны случаи, когда учредителя могут привлечь не только к гражданской, но и уголовной ответственности, когда произошел крупный ущерб в связи с уходом от требований кредиторов.

Глава 3 Уменьшение рисков в привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве

3.1 Риски и защита руководителя должника от привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве

Анализ вышеуказанных примеров из судебной практики показал, что в настоящее время происходит рост привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Весьма часто происходит так, что на момент открытия процедуры банкротства отсутствует имущество, находящееся в конкурсной массе, в этом случае, привлечение к субсидиарной ответственности руководителя должника будет наиболее действенным и эффективным. Однако следует понимать, что руководитель организации может быть и добросовестной стороной, не совершавшее никаких противоправных действий в области управления организаций, не напрямую, не косвенно. При этом ситуация банкротства возникла в следствии экономической ситуации, которая в настоящее время весьма нестабильна, возможно воздействие извне в силу применяемой санкционной политики и действий недружественных государств.

Как уже отмечалось выше, статус руководителя организации имеет отличительные признаки и имеется повышенная юридическая ответственность по сравнению с другими сотрудниками организации. Например, в соответствии с трудовым законодательством, на руководителя организации возлагается полная материальная ответственность. Кроме того, в силу гражданского права, руководитель несет имущественную ответственность, подобного рода убытки рассчитываются по нормам гражданского права. Соответственно, такой руководитель будет привлечен к гражданской ответственности при начале производства процедуры банкротства. При огромной массе банкротств юридических лиц не происходит удовлетворения требований всех кредиторов, в полном объеме. Проблема

закljučается не только в том, что активы зачастую выводятся из бизнеса не легальным путем, но и в том, что назначаемая процедура банкротства не предполагает изначально оздоровить экономическую составляющую организации и трансформировать его таким образом, что бы возобновить выполнение обязательств по договорам, а в том, что бы удовлетворить большинство кредиторов, посредством процедуры банкротства материальную составляющую переданных обязательств.

«В 2017 г. было принято три документа, касающихся субсидиарной ответственности при банкротстве: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [53], который ввел новую главу о субсидиарной ответственности, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [42], Письмо ФНС России от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ» (Письмо ФНС России от 16.08.2017 г. № СА-4- 18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ» (Документ опубликован не был).]

Правоприменительная практика знает и другие примеры привлечения к субсидиарной ответственности руководителя предприятия при наступлении процедуры банкротства юридического лица. «ответственность за убытки, причиненные должнику, по основаниям, предусмотренным корпоративным законодательством (ст. 61.20 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Закона о банкротстве), субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника банкротом (ст. 61.12 Закона о банкротстве),

ответственность за нарушение банкротного законодательства (ст. 61.13 Закона о банкротстве)»[55].

Ранее упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 определенно и однозначно регламентирует о привлечении руководителя к субсидиарной ответственности, как исключительный механизм защиты нарушенных прав кредиторов.

В своем исследовании, Данилов С. не двусмысленно указывает: «Судебная практика в настоящее время явно направлена на ужесточение ответственности контролирующих должника лиц» [10].

В соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ; п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве существует правило, на основании которого, обязательным условием отнесением лица вокруг контролирующих должника лиц является наличие у него полномочий давать должнику указания, исполнение которых определяет его непосредственные действия.

«Осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника. Если сделки, изменившие экономическую и юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника» [47].

Рассматривая ситуации, при которых, контролирующее лицо должника может быть привлечено к субсидиарной ответственности, а именно:

- за невозможность полного погашения требований кредиторов;
- за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника в арбитражный суд о собственном банкротстве.

В первом случае действия или бездействия ликвидатора, приведшие к невозможности погашения требований кредиторов, можно понимать такие действия или бездействия, которые явились причиной банкротства. Иными словами, если бы не было таких действий, то банкротства по объективным причинам не наступило бы.

В компетенцию суда входит проверка таких фактов, которые привели к банкротству, а также установление причинно-следственной связи между действиями или бездействиями и наступившим вследствие этого банкротством.

Во втором случае, действие или бездействие контролирующего лица могут быть объективной необходимостью для начала процедуры банкротства. Совокупность таких условий напрямую закреплена в законе о банкротстве, их несколько:

- когда должник привлечен к налоговой ответственности в следствие неуплаты налогов различных видов, либо нарушений в области начисления налогов или противоправных действий или бездействий по уплате налогов;
- когда доначисленные суммы налогов составляют более 50% от размера основной задолженности;
- когда контролирующее лицо совершило действия или бездействие, ухудшающее экономическое положение должника уже после наступления процедуры банкротства.

«При этом по общему правилу контролирующее лицо, создавшее условия для дальнейшего значительного роста диспропорции между стоимостью активов должника и размером его обязательств, подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в полном объеме, поскольку презюмируется, что из-за его действий (бездействия) окончательно утрачена возможность осуществления в отношении должника реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление платежеспособности, и, как

следствие, возможность реального погашения всех долговых обязательств в будущем» [47].

Известное дело по делу о банкротстве ООО «Каркас» рассмотрение, которого в различных судебных инстанциях, в том числе кассационном производстве и рассмотренное Верховным Судом РФ привело юриспруденцию к новому понятию «Объективное банкротство». Оно было применено в определении суда № 309-ЭС17-1801 от 20.07.2017г. В свою очередь Верховный Суд РФ декларировал следующие позиции:

- если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности либо обстоятельств, названных в абз. 5, 7 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве (критическом моменте, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), и руководитель, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил максимальные усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель, с учетом общеправовых принципов юридической ответственности (в том числе предполагающих по общему правилу наличие вины), освобождается от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным;
- не является экономически обоснованным план выхода из кризиса, при котором за период с даты возникновения признаков банкротства по день введения первой процедуры банкротства задолженность перед бюджетом многократно возросла;
- для определения признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества правовое значение имеет совокупный объем возникших долговых обязательств, а не их структура. При

анализе финансового состояния должника из общего числа его обязательств не исключаются те обязательства, которые не позволяют кредитору инициировать процедуру банкротства. Таким образом, выводы суда апелляционной инстанции, исключившего задолженность перед внебюджетным фондом, ошибочны;

- применяемый должником метод ведения бизнеса (погашение задолженности по тем гражданским обязательствам, которые непосредственно относятся к производственному процессу и реализации продукции, и одновременно непринятие каких-либо мер к исполнению фискальных обязательств) не отвечает принципу добросовестности.

Данные позиции были восприняты на практике нижестоящими судами [32].

При этом, когда мы говорим о случае, когда действие или бездействие на стороне должника повлекли за собой негативные последствия, а ликвидатор. Как контролирующее должника лицо не подлежит к субсидиарной ответственности, то мы имеем ввиду гражданско-правовой риск, естественно не выходящий за рамки делового риска, и его действия не расценены, как нарушение прав и законных интересов кредиторов.

В соответствии с нормами закона о банкротстве к субсидиарной ответственности может быть привлечен руководитель предприятия на основании решения арбитражного управляющего, единолично или на основании решения собрания кредиторов. Вместе с тем, арбитражный управляющий может привлечь ликвидатора к субсидиарной ответственности за отсутствие возможности удовлетворения требований кредиторов.

Как уже отмечалось выше, номинальные руководители, а именно те, кто передоверил свои полномочия посредствам доверенности или руководил компанией по указке третьих лиц, также не утрачивают статус контролирующих субъектов и могут нести субсидиарную ответственность в процессе банкротства. Однако, на основании постановления № 53 объем

ответственности номинального директора или руководителя может быть уменьшен при условии, что он предоставит информацию о сокрытом имуществе должника или о фактическом лице, осуществляющий функции руководителя или директора.

«При неисполнении руководителем должника, ликвидационной комиссией в установленный срок обязанности по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве решение об обращении в суд с таким заявлением должно быть принято органом управления, к компетенции которого отнесено разрешение вопроса о ликвидации должника» [53].

По смыслу указанной нормы можно утверждать, что при определенных условиях существуют обязанности обращения в суд уполномоченных на то лиц, для начала процедуры банкротства. При этом законодатель определяет совокупность следующих условий:

- «это лицо являлось контролирующим, в том числе исходя из не опровергнутых им презумпций о контроле мажоритарного участника корпорации (пп. 2 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве), о контроле выгодоприобретателя по незаконной сделке и т.д.;
- оно не могло не знать о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве и о невыполнении ими данной обязанности;
- данное лицо обладало полномочиями по созыву собрания коллегиального органа должника, к компетенции которого отнесено принятие корпоративного решения о ликвидации, или обладало полномочиями по самостоятельному принятию соответствующего решения;
- оно не совершило надлежащим образом действия, направленные на созыв собрания коллегиального органа управления для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве или на принятие такого решения» [53].

«Соответствующее приведенным условиям контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам, возникшим после истечения совокупности предельных сроков, отведенных на созыв, подготовку и проведение заседания коллегиального органа, принятие решения об обращении в суд с заявлением о банкротстве, разумных сроков на подготовку и подачу соответствующего заявления. При этом названная совокупность сроков начинает течь через 10 дней со дня, когда привлекаемое лицо узнало или должно было узнать о неисполнении руководителем, ликвидационной комиссией должника обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве (абз. 1 п. 3.1 ст. 9 Закона о банкротстве). Указанное лицо несет субсидиарную ответственность солидарно с руководителем должника (членами ликвидационной комиссии) по обязательствам, возникшим после истечения упомянутой совокупности предельных сроков (абз. 2 п. 1 ст. 61.12 Закона о банкротстве)» [47].

Настоящим законодательством (пп. 2, 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) установлены презумпции вины контролирующего должника лица в невозможности полного погашения требований кредиторов при отсутствии (непредставлении конкурсному управляющему) документов бухгалтерского учета и (или) отчетности или иных документов, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации с возложением на него субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Ранее аналогичная ответственность контролирующего должника лица была установлена прежней редакцией п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве и активно применялась в судебной практике (например, определение Верховного Суда РФ от 13.10.2017 по делу № 305-ЭС17-9683, А41-47860/2012). В настоящее время, как разъяснено в п. 24 постановления № 53, лицо, обратившееся в суд с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, должно представить суду объяснения относительно того, как отсутствие документации (отсутствие в ней полной информации или наличие в документации искаженных сведений) повлияло на

проведение процедур банкротства. Применяя при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности презумпции, связанные с непередачей, сокрытием, утратой или искажением документации (пп. 2 и 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве), необходимо учитывать следующее: заявитель должен представить суду объяснения относительно того, как отсутствие документации (отсутствие в ней полной информации или наличие в документации искаженных сведений) повлияло на проведение процедур банкротства. Привлекаемое к ответственности лицо вправе опровергнуть названные презумпции, доказав, что недостатки представленной управляющему документации не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства, либо доказав отсутствие вины в передаче, ненадлежащем хранении документации, в частности подтвердив, что им приняты все необходимые меры для исполнения обязанностей по ведению, хранению и передаче документации при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась. Под существенным затруднением проведения процедур банкротства понимается в том числе невозможность выявления всего круга лиц, контролирующих должника, его основных контрагентов, а также:

- невозможность определения основных активов должника и их идентификации;
- невозможность выявления совершенных в период подозрительности сделок и их условий, не позволившая проанализировать данные сделки и рассмотреть вопрос о необходимости их оспаривания в целях пополнения конкурсной массы;
- невозможность установления содержания принятых органами должника решений, исключившая проведение анализа этих решений на предмет причинения ими вреда должнику и кредиторам и потенциальную возможность взыскания убытков с лиц, являющихся членами данных органов. К руководителю должника не могут быть применены презумпции, установленные пп. 2 и 4 п. 2

ст. 61.11 Закона о банкротстве, если необходимая документация (информация) передана им арбитражному управляющему в ходе рассмотрения судом заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. Такая передача документации (информации) не исключает возможность привлечения руководителя к ответственности в виде возмещения убытков, вызванных просрочкой исполнения обязанности, или к субсидиарной ответственности по иным основаниям.

Сама по себе непередача новому руководителю необходимых документов не освобождает его от ответственности и не свидетельствует об отсутствии вины. Добросовестный и разумный руководитель обязан совершить действия по истребованию документации у предыдущего руководителя (применительно к ст. 308.3 ГК РФ) либо по восстановлению документации иным образом (в частности, путем направления запросов о получении дубликатов документов в компетентные органы, взаимодействия с контрагентами для восстановления первичной документации и т.д.). Если несколько руководителей, последовательно сменявших друг друга, осуществляли противоправные действия, связанные с ведением, хранением и восстановлением ими документации, презюмируется, что действий каждого из них было достаточно для доведения должника до объективного банкротства (п. 8 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Согласно пп. 2 и 4 п. 2, пп. 4 и 6 ст. 61.11 Закона о банкротстве, если лица, на которые возложена обязанность по ведению и хранению соответствующей документации (например, главный бухгалтер), также признаны контролирующими, то предполагается, что их совместные с руководителем должника действия стали необходимой причиной объективного банкротства при доказанности существенно затруднивших проведение процедур банкротства фактов непередачи, сокрытия, утраты или искажения документации; лица, не признанные контролирующими должника, на которые возложена обязанность по ведению и хранению соответствующей документации (например, главный бухгалтер),

несут солидарно с бывшим руководителем субсидиарную ответственность за доведение до банкротства как соучастники, если будет доказано, что они по указанию бывшего руководителя или совместно с ним совершили действия, приведшие к уничтожению документации, ее сокрытию или к искажению содержащихся в ней сведений. Подводя итог, следует отметить благоприятный характер сложившейся в судебной практике тенденции, позволяющей отказаться от формальных критериев при определении того, является ли лицо контролирующим, а также при оценке возможности лица влиять на принятие решений должником. Данная тенденция может выступить определенным стимулом для руководителей осуществлять управленческую деятельность в рамках законодательства Российской Федерации с целью добросовестного исполнения юридическим лицом своих обязанностей и обязательств, возникающих в хозяйственном процессе.

3.2 Проблемы и перспективы развития института субсидиарной ответственности

На основании ранее проводившихся исследований можно утверждать, что при привлечении к субсидиарной ответственности руководителей должника следует выделить некоторые проблемы.

1. Сложность определения периода, когда именно руководитель обязан обратиться с заявлением о признании должника банкротом.

Одним из ключевых моментов, является подача заявления о банкротстве (несостоятельности, месячный срок). В течение которого должник осознает шаткость своего финансового положения и не может в полном объеме исполнять взятые на себя обязательства кредиторов. В указанный период должник должен обратиться с заявлением в суд. При этом, данное юридическое лицо фактически не в состоянии оплачивать обязательства по договорам, но при этом, еще может продолжать вести свою хозяйственную деятельность, например, вправе заключать новые договора, соответственно,

появляются новые должники, появляется новая задолженность. Закон о банкротстве (несостоятельности), на этот случай предусматривает ответственность руководителя организации, так как он заведомо знал о неплатежеспособности юридического лица. Ответственность за появление заведомо неисполнимой кредиторской задолженности лежит на руководителе организации. В аб. 2, п. 2, ст. 61.12 Закона о банкротстве резюмируется наличие причинно-следственной связи между неподачей руководителем должника заявления о банкротстве и негативными последствиями для кредиторов и уполномоченного органа в виде невозможности удовлетворения возросшей задолженности. Указанное также отражено в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Предпринимательская деятельность характеризуется финансовыми рисками и многоаспектностью, в связи с этим весьма проблематично определить временной отрезок, когда юридическое лицо перестало быть платежеспособным. Так, например, предпринимательская деятельность в области издания журналов и периодических изданий. Получение прибыли, а затем и погашение кредиторской задолженности при указанном виде деятельности возможны только после реализации тиража изданий и носят периодический характер. Соответственно, наличие непогашенной кредиторской задолженности не свидетельствует о неплатежеспособности организации, так как указанная задолженность погашалась после продажи тиража изданий. Руководитель должника освобождается от субсидиарной ответственности, если докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности либо обстоятельств перед кредиторами не свидетельствовало об объективном банкротстве и руководитель рассчитывал на преодоление финансовых трудностей в разумный срок. Аналогичные разъяснения даны и в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением

контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Таким образом, при оценке обоснованности заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления о собственном банкротстве необходимо учитывать поведение таких контролирующих лиц: имелся ли у них план по выходу из кризисной ситуации, продолжалась ли производственная деятельность компании, осуществлялись ли расчеты с кредиторами. Для оценки возникновения признаков неплатежеспособности организации необходимо учитывать специфику ее вида деятельности: данные по срокам и формам расчетов, сезонные факторы. Так, интересен пример банкротства ООО «Теленеделя» (дело № А40-147206/2015), где ответчикам удалось доказать, что наличие кредиторской задолженности не является безусловным основанием, свидетельствующим о неплатежеспособности. Суд указал, что, согласно выписке из ЕГРЮЛ, основным видом деятельности должника являлось издание журналов и периодических изданий (ОКВЭД 58.14). Получение прибыли, а затем и погашение кредиторской задолженности при указанном виде деятельности возможны только после реализации тиража изданий и носят периодический характер. Соответственно, наличие непогашенной кредиторской задолженности не свидетельствует о неплатежеспособности организации, так как указанная задолженность погашалась после продажи тиража изданий. ООО «Теленеделя» осуществляло свою обычную хозяйственную деятельность: выпускало и реализовывало печатную продукцию, исполняло свои финансовые обязательства, в частности, перед типографиями, сотрудниками, кредиторская задолженность должника имела временный характер, периодически погашалась. При указанных обстоятельствах у ответчиков отсутствовали достаточные основания для инициирования процедуры банкротства в отношении общества. Можно прийти к выводу, что при рассмотрении обособленных споров по привлечению руководителя должника к субсидиарной ответственности необходимо учитывать режим и специфику деятельности должника, а также то, что

финансовые трудности в определенный период могут быть вызваны преодолимыми временными обстоятельствами, необходимо избегать формальный подход к оценке состояния должника.

2. Номинальным руководителем сложно доказать фактическое отсутствие контроля.

Зачастую, директор должника является номинальным руководителем, он не принимает решения, не влияет на формирование воли должника и не является выгодоприобретателем по сделкам должника. По этой причине законодатель вводит ряд презумпций, цель которых выявить конечных бенефициаров. В силу п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника лицом, если это лицо:

- являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;
- имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;
- извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ. Номинальные руководители зачастую не могут доказать фактическое отсутствие контроля, даже указание на конкретных лиц не поможет избежать ответственности.

Необходимо собрать серьезную доказательственную базу при формировании правовой позиции. Согласно п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве, контролирующее должника лицо – физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за 3 года, предшествующих

возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Согласно п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве, арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально). Номинальный руководитель должен предоставить сведения, благодаря которым будет установлено фактически контролировавшее должника лицо. Бремя доказывания отсутствия вины также возлагается на контролирующее должника лицо. В случае, когда в результате действий (бездействия) такого лица полностью погасить требования кредиторов невозможно, оно не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует. Контролирующее лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если оно докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов. Обеспечивая интересы контролирующего лица, Закон устанавливает, что размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица подлежит соответствующему уменьшению, если им будет доказано, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине этого лица, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет этого контролирующего должника лица. Интересным для

рассмотрения является спор по делу Арбитражного Суда Республики Татарстан А65-37253/2019, в котором было отказано в привлечении номинальных руководителей к субсидиарной ответственности. Уже после завершения конкурсного производства в отношении ООО «Селена-Синтез» в Арбитражный суд Республики Татарстан 23 декабря 2019 г. поступило заявление конкурсного кредитора о привлечении руководителей должника к субсидиарной ответственности. Кредитор указал в качестве основания для привлечения ответчиков к субсидиарной ответственности наличие сделок по перечислению в пользу ПАО «Татфондбанк» денежных средств, в следствие которых должник безвозмездно передал ПАО «Татфондбанк» денежные средства в сумме 1 423 203 000 руб., что причинило существенный вред имущественным правам кредиторов должника. Ответчиками было заявлено о номинальности своего руководства и указано, что ПАО «Татфондбанк» являлся контролирующим лицом должника. Суд привлек к субсидиарной ответственности ПАО «Татфондбанк», так как п.п. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, содержится презумпция наличия статуса контролирующего должника лица – извлечение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Сделки были направлены на участие должника в схемах перекредитования, кругового движения денежных средств и возвращения их ПАО «Татфондбанк». Выгодоприобретателем по сделкам, заключенным должником и его контрагентами, является непосредственно ПАО «Татфондбанк», обеспечившее формирование дохода в виде процентов по выданным кредитам и исключение риска негативных для банка последствий неисполнения заемщиками своих обязательств по кредиту. В привлечении к субсидиарной ответственности номинальных руководителей было отказано. Вышеуказанное показывает, как сложно номинальным руководителям доказать фактическое отсутствие контроля, необходимо раскрыть всю схему взаимодействия с контролирующим должника лицом, показать синхронность действий, раскрыть, – каким образом давались поручения (электронная

переписка, согласование сделок), раскрыть результаты противоправных действий.

3. Непрощение долга по субсидиарной ответственности при банкротстве гражданина. Согласно п. 5 ст. 213.28 Закона о банкротстве, денежные требования, тесно связанные с личностью должника, не подлежат списанию с должника после завершения дела о банкротстве.

Согласно абз. 2 п. 6 ст. 213.28 Закона о банкротстве не подлежат освобождению от долгов лица, которые были привлечены в качестве контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. С.А. Морозов указывает, что за решением законодателя запретить списание указанных требований по окончании процедуры банкротства могут стоять «два мотива:

- законодатель может считать деликты, которые лежат в основе возникновения таких обязательств, настолько общественно опасными, что во имя предупреждения их повторения в будущем и запрещает их списывать в процедуре банкротства;
- списание указанных долгов в рамках процедуры банкротства граждан может сделать бессмысленным ряд институтов гражданского права, таких, как привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, взыскание убытков с директора, оспаривание предбанкротных сделок должника, поскольку должник, к которому предъявлено требование о взыскании значительной суммы, сразу бы обращался к процедуре банкротства и получал бы списание задолженности» [25].

С другой стороны, у гражданина, в случае не списания долгов, пропадает стимул к дальнейшему саморазвитию, в том числе как предпринимателя, так как весь свой доход он будет вынужден отдавать для погашения не списываемой задолженности, что также негативно влияет на рыночные отношения. Не достигается цель банкротства гражданина – освобождение их от непосильных долгов и возврат в гражданский оборот в качестве его

полноценных участников. Как выход из проблемы, можно предложить увеличивать уставной капитал при создании юридического лица и сохранять ограниченную ответственность руководителя и участников юридического лица.

4. Низкий уровень правовой подготовки лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности. «Зачастую, руководители, осуществляя хозяйственную деятельность, не обладают специальными познаниями в области права. Более того, при рассмотрении обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности не всегда у ответчика (руководителя, контролирующего должника лица) есть финансовая возможность привлечения соответствующего специалиста. А указанные споры требуют высокой квалификации юриста. Законодательное регулирование субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в настоящее время имеет ярко прокредиторский характер» [54]. При этом заявителем в обособленном споре по привлечению к субсидиарной ответственности зачастую является арбитражный управляющий. В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время резко увеличилось количество поданных заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, также увеличилось количество удовлетворенных заявлений. Прокредиторская направленность банкротства защищает интересы кредиторов, но вопрос: достигается ли при этом цель банкротства – обновление экономики остается открытым.

Заключение

Выводы по результатам научно-исследовательской работы, выполненной по теме «Субсидиарная ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве»

Для полного анализа необходимо определить критерии и источники, в соответствии с которыми производится исследование. В ходе поставленной задачи по рассмотрению судебной практики применимо к процессу банкротства.

Рассмотренные источники отличаются широким спектром вопросов в правоприменительной практике. Выявилась особенность, которая касается непосредственного определения субсидиарной ответственности, на основании отсутствия в законодательстве такого определения, суды выносят различные определения исходя из конкретного дела.

Для дальнейшего исследования темы необходимо учесть зарубежный опыт процедуры банкротства и на основании общих выводов необходимо получить полную картину субсидиарной ответственности в целом. Только после проделанной работы, можно приступить к детальному рассмотрению следующего вопроса работы, относительно выявления пробелов в законодательстве и вынесения предложений по совершенствованию некоторых норм в данном аспекте.

В завершение настоящего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Правовая концепция субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве имеет своей основе формирующуюся, развивающуюся, многогранную систему взглядов научного сообщества, как при изучении исторического аспекта, так при современном развитии отечественного законодательства, в том числе и субсидиарную ответственность руководителя должника и иных лиц в процессе банкротства. Кроме того, имеются дискуссионные вопросы касающиеся становления

института банкротства и изменений в законодательстве, произошедшие в 2017 году. Как отмечалось выше, становление и развитие в историческом аспекте складывалось не равномерно и порой противоречиво. Исторический путь характеризовался неравномерностью и в известной степени, характеризовался перекосами в регулировании данных правоотношений, которые в дальнейшем подвергались изменениям, пояснениям со стороны Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

2. Развитие института субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве за рубежом берет свое начало в 19 веке. Становление рассматриваемого института носит название «прокалывание вуали». Основными локомотивами развития становятся Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Германия, как наиболее экономически развитые страны мира. Правовая система указанных государств отличается друг от друга, но вместе с тем, имеет характерные признаки регулирования банкротства, субсидиарной ответственности руководителя должника и контролирующих должника лиц. Историческое развитие послужило основой современного законодательства и явилось претендентом обширной судебной практики за рубежом. Кроме того, некоторые дела о банкротстве являются примерами мирового масштаба и входят в учебные пособия по юриспруденции. В настоящее время, институт субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве за рубежом принял облик четкого регулирования. При этом существует весьма жесткое регулирование рассматриваемой ответственности, например, в центре финансового рынка – Гонконге, где предусматривается уголовная ответственность за укрытие средств от кредиторов. Опыт развития законодательства за рубежом необходимо изучать, с целью внедрения новых, передовых норм в национальное законодательство, что оказывает положительное влияние на регулирование субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц при банкротстве.

3. В России, развитие института субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве имеет не столь богатую историю формирования, однако, активно перенимается опыт зарубежных стран. Законодательство «О банкротстве» является относительно новым, но успело подвергнуться весьма серьезным изменениям, касающихся субсидиарной ответственности руководителя должника. С одной стороны, кредитор имеет право требовать от субсидиарного должника возмещение непогашенных требований, а с другой – не исключается возможность взыскания вторично, за одно и тоже правонарушение (в данном случае с контролирующего должника лицо при отсутствии необходимых ресурсов у организации-должника). А на основании норм Гражданского законодательства предусматривается субсидиарная ответственность, как вид деликтной ответственности.

4. Законодатель весьма четко и детально отрегулировал вопрос защиты интересов кредиторов от злоупотреблений со стороны контролирующих лиц и бенефициаров корпораций, закрепленном, как в законодательстве, так выработанными в судебной практике. Суды, имеют инструмент, позволяющий выявлять противоправные действия по поводу вывода активов компании, посредством применения солидарной реституции. Субсидиарная ответственность в свою очередь, защищает кредиторов от недобросовестных действий должника. Данный институт способен контролировать процедуру банкротства в сфере переводов активов и переквалификации в другой разряд отношений. Развитие института банкротства (несостоятельности) происходит в следствии развития технологий, экономики, юриспруденции и весьма тесно взаимосвязаны данные отрасли друг с другом. Кроме того, необходимо учитывать опыт зарубежных стран, в частности, относительно субсидиарной ответственности и выявление истинных причин банкротства организации. Процедура банкротства, предусматривающая ответственность контролирующих

должника лиц должна в полной мере регулироваться законодательством, сохраняя баланс интересов сторон.

5. Подача заявления о банкротстве играет важную роль в процессе. На основании исследования судебной практики выявляются ряд вопросов и сложностей, связанных с определением момента обращения руководителя о признании должника банкротом. Данное процессуальное действие имеет немаловажное значение.

На практике, могут возникать такие ситуации, при которых, руководитель организации прогнозирует невыполнение обязательств или погашение задолженностей перед кредиторами, то в соответствии с законодательством, на него возлагается обязанность подать заявление о признании данного юридического лица банкротом. Вместе с тем, на основании закона «О банкротстве» не освобождаются от долговых обязательств лиц, привлеченные в качестве контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Англичане поделились в ВАС РФ своим опытом срывания вуалей // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20130211/266372585.htm
2. Банкротство в России: итоги 1 кв. 2022 года. Статистический релиз «Федресурса» (<https://fedresurs.ru/news/c2288ba3-3dec-429a-8a33-e1116b05ebc9>; дата обращения 25.04.2022)1
3. Банкротство в России: итоги 1 кв. 2022 года. Статистический релиз Федресурса (<https://fedresurs.ru/news/c2288ba3-3dec-429a-8a33-e1116b05ebc9>; дата обращения 25.04.2022)2
4. Банкротство в России: итоги 2021 года. Статистический релиз Федресурса (<https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2?attempt=1>; дата обращения 25.04.2022)3
5. Берггольц В.В. Субсидиарная ответственность руководителя и собственника должника// International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 9-2 (60), 2021
6. Быканов Д.Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России. // Закон. 2014. № 7. С. 73
7. Вдовин И.О. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лиц в деле о банкротстве//Вестник магистратуры 2020 №4
8. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 248–273. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146-ФЗ // Собрание законодательства РФ - 03.12.2001 - №49. – ст.4552. 4
10. Данилов С. «Субсидиарка» выбирает новых жертв // Практическая бухгалтерия. – 2020. – № 1. – С. 38-45

11. Дело № А60-16899/2010, по которому постановлением Федерального арбитражного суда Уральского округа от 2 июня 2014 года № Ф09-2321/1417

12. Докунихина Е. Е., Фольгерова Ю.Н. Добросовестность приобретателя имущества банкрота в обязательственном праве // Вестник научной мысли. – 2021. – № 6. – С. 610-614.5

13. Егоров А. В., Усачева К. А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 31–73

14. Интервью с Р. Т. Мифтахутдиновым] // Закон. 2018. № 7. С. 6–18; см. также: Долинская В. В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 9–15)

15. Информационные бюллетени Findlaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/193/197.html>

16. Канашевский В.А. О субсидиарной ответственности бенефициаров офшорных компаний и трастов / В.А. Канашевский // Журнал российского права. 2019. №6. 6

17. Канцер Ю. А. Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 4. С. 128–134. с. 130

18. Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам" (Заключена в г. Страсбурге 25.01.1988) (с изм. и доп. от 27.05.2010) ст.4,6 . 7

19. Кондратьева К.С., Стерлягов И.А. Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российской федерации:

сравнительно-правовой подход// Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 224–231. DOI: 10.17223/15617793/462/27

20. Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве 2021г. (Электронный ресурс) Lotfullin_SBP2021_Subsiary_Liability_Book.pdf

21. Миннуллина К. А., Предеин Н.М. Субординация обязательствных требований как инструмент защиты независимых кредиторов в институте банкротства // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 1(41). – С. 277-281. 8

22. Миннуллина К. А., Татаринова Е.П. Прокредиторский подход к институту банкротства в российском праве: преимущества и недостатки // Юридический мир. – 2021. – № 7. – С. 29-32. 9

23. Михневич А.В., Оселедко А.Н. Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-2. С. 151-159

24. Монастырский Ю.Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 82-95

25. Морозов С.А. Основания для отказа в освобождении от долговых обязательств гражданинабанкрота // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2017. – № 3. – С. 52-62

26. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 07.08.2000. - № 32. - ст. 3340. 10

27. Новокшонова Н. А., Федейкина Д. А. К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 2. С. 36—45. doi: 10.47475/2618-8236-2022-17206.11

28. Одинцов С. В. Оспаривание сделок должника: сравнительно-правовые аспекты, доктринальное толкование и правоприменительная

практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 12. С. 49-57

29. Одинцов, С.В., Чикин Н.С. Субсидиарная ответственность руководителя и собственника должника: актуальные вопросы доктрины и правоприменительной практики//Имущественные отношения в РФ №12 2019г

30. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2018 года № 308-ЭС17-21222 по делу № А32-9992/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Определение Верховного Суда РФ от 03.08.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014. 12

32. Определение ВС РФ 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу о банкротстве ООО «Каркас»

33. Определение ВС РФ от 15 февраля 2018 г. № 302-ЭС14-1472(4, 5, 7) по делу № А33-1677/2013. 13

34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016. 14

35. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016. 15

36. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.07.2021 № Ф01-1535/2021 по делу № А29-10924/2019. 16

37. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2020 № Ф05-11415/2019 по делу № А40-203647/2015.17

38. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2020 № Ф07-16615/2019 по делу № А56-66487/2010. 18

39. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.11.2020 № Ф09-8660/18 по делу № А60-50826/2016. 19

40. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2018 № Ф09-3499/18 по делу № А76-23547/2013. 20

41. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2020 № 09АП-2781/2020 по делу № А40-103736/2016. 21

42. Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». 22

43. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2018 года № 07АП-11405/2014 по делу № А45-16913/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»

44. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». 23

45. Постановления Пленума ВАС РФ № 62

46. Румак В. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях. [Интервью с Р. Т. Мифтахутдиновым] // Закон. 2018. № 7. С. 9. 24

47. Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника// ЧАСТНОЕ ПРАВО JUS PRIVATUM № 12 (145) декабрь 2018

48. Середа И. М., Середа А. Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. 25

49. Улезко А. Привлечение к ответственности лиц, контролирующих должника // Банковское обозрение. Приложение «Банк-Надзор». 2018. № 1. С. 61–65., с. 62

50. Устимова С.А., Рассказова Е.Н. Привлечение контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):71-3.]

51. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О несостоятельности (банкротстве)" // "Собрание законодательства РФ", 28.10.2002, N 43, ст. 4190. 26

52. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (ч. 1)

53. Халуллина Ж.Е., Эрлих М.Е. Некоторые правовые аспекты привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц по обязательствам должника-банкрота // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2019. – № 3. – С. 13-16

54. Beckett Investment Management Group v. Hall. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2007/613.html>

55. Blumberg P. I., Strasser K. A., Georgakopoulos N. L. et al. Blumberg on Corporate Groups. N.Y., 2004

56. Mitchel R.D. Alter Ego Doctrine and Piercing the Corporate Veil // URL: <https://www.mitchellattorneys.com/piercing-corporate-veil>

57. Peter B.Oh. Veil-Piercing. Texas Law Review, 2010. S. 169

58. Stone & Rolls v. Moore Stephens. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76960d03e7f57eac426>